

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

А.С. Грибоедов в советской и российской школе
(на материале послевоенных советских
и современных российских учебников по литературе)

Магистерская работа
студентки отделения
славянской филологии
Полины Решениной

Научный руководитель –
PhD М.В. Боровикова

Тарту 2020

Оглавление

Введение	3
Глава I. А.С. Грибоедов в послевоенных советских учебниках по литературе	9
1. Советские стабильные учебники: от многообразия к унификации	9
2. Учебник С.М. Флоринского (1954 г.)	12
2.1. Автор учебника, история его создания	12
2.2. Возможные источники биографии Грибоедова	15
2.3. Патриотическая модель биографии А.С. Грибоедова: патриотизм как связующее звено между образованностью и декабристскими идеями	17
3. Учебник под редакцией Н.И. Громова (1971 г.)	28
3.1. Авторы учебника, история его создания	28
3.2. Морально-нравственная модель биографии А.С. Грибоедова: дипломатическая служба как материал для нравственного воспитания	32
Глава II. А.С. Грибоедов в современных российских учебниках по литературе	46
1. Федеральный перечень учебников: от многообразия к ограничению вариативности	46
2. Учебник под редакцией В.Я. Коровиной (издания 2006-2019 гг.)	52
2.1. Авторы учебника, история его создания и переработок	52
2.2. Антиреволюционная модель биографии А.С. Грибоедова: преодоление «мечтательства» и сотрудничество с государством	55
Заключение	60
Список использованной литературы	63
Summary	76

Введение

Изучение литературы в школе является важным этапом становления человека как читателя. Школа влияет на формирование наших представлений о художественном произведении, чтении и его роли в жизни, биографии писателя, русском и мировом литературном каноне и т.д. Поскольку уроки литературы сочетают задачи историко-литературного просвещения и идеологического воздействия, школьный опыт обращения к включенным в программу авторам и произведениям, лежащий в основе их взрослого восприятия, всегда несет на себе отпечаток определенной идеологической парадигмы.

В конце XX - начале XXI вв. взаимодействие образовательных и идеологических установок в школьном преподавании литературы стало предметом научного осмысления. Особое внимание исследователи уделяют советскому периоду школьной истории, т.к. в это время на уроках литературы открыто доминировало стремление воспитывать «правильное» мировоззрение. В рамках указанного направления вышел ряд работ, в которых советский школьный канон, учебники по литературе, методические пособия и т.п. рассматриваются в контексте идеологического воспитания. Перечислим наиболее значимых для нас авторов: А.С. Бодрова и А.В. Вдовин [Бодрова, Вдовин], Е.А. Добренко [Добренко 1997], В.П. Журавлев [Журавлев 2010а]; [Журавлев 2010б], О. Золотухина [Золотухина], А.А. Костин [Учебный текст], Ю.В. Лазарев [Лазарев], М.Г. Павловец [Павловец 2016а], Е.Р. Пономарев [Пономарев 2009]; [Пономарев 2010а]; [Пономарев 2010б]; [Пономарев 2010в]; [Пономарев 2010г]; [Пономарев 2010д]; [Пономарев 2014]; [Пономарев 2017], А.А. Сенькина [Учебный текст].

Наша работа принадлежит к описанному выше направлению. Мы ставим перед собой следующие цели:

– реконструировать концепцию жизни и творчества А.С. Грибоедова, созданную С.М. Флоринским (первый послевоенный стабильный учебник по литературе для 8 класса, 1954 г., автор С.М. Флоринский);

– реконструировать концепцию жизни и творчества А.С. Грибоедова, созданную Н.А. Спицыной (последний советский стабильный учебник по литературе для 8 класса, 1971 г., коллектив авторов во главе с Н.И. Громовым);

– реконструировать концепцию жизни и творчества А.С. Грибоедова, созданную В.И. Коровиным (современный учебник по литературе для 9 класса, издания 2006-2019 гг., коллектив авторов во главе с В.Я. Коровиной).

Концепции жизни и творчества Грибоедова, созданные С.М. Флоринским, Н.А. Спицыной и В.И. Коровиным, интересуют нас с двух взаимосвязанных точек зрения.

- 1) Как продукт взаимодействия образовательных и идеологических установок.

Биография писателя – это история, которую можно рассказать разными способами. Мы считаем, что способ, который выбирает автор учебника, помимо образовательных, преследует идеологические цели. Флоринский, Спицына и Коровин вписывают жизнь Грибоедова в ценностные рамки своего времени. Выделив элементы, которые они кладут в основу повествования о Грибоедове, мы проследим, как литературное образование сочетается с идеологическим, как идеология встраивается не только в интерпретации произведений, но и в биографии писателей.

- 2) Как стадии развития школьного образа Грибоедова.

Советские школьники изучали жизнь и творчество Грибоедова по учебнику Флоринского 16 лет, с 1954 по 1970 гг. Затем ему на смену пришел учебник под редакцией Громова, использовавшийся в качестве основного до 1990 г., 19 лет. Школьная биография Грибоедова, написанная Коровиным, входит в самый распространенный современный учебник с 2006 г., уже 13 лет. На протяжении многих лет представление советских людей о жизни Грибоедова складывалось под влиянием концепций Флоринского и Спицыной, концепция Коровина влияет на восприятие Грибоедова нашими современниками. Реконструкция этих концепций является необходимым шагом на пути изучения эволюции образа Грибоедова в советском и российском школьном образовании. Подобные исследования, отслеживающие, как менялся образ писателя в учебниках по литературе, начали проводить сравнительно недавно. Работая в этом русле, мы ориентировались в первую очередь на статьи А.С. Бодровой и А.В. Вдовина о Лермонтове и А.А. Костина о Радищеве (см.: [Бодрова, Вдовин]; [Учебный текст]); тема школьного восприятия Грибоедова, насколько нам известно, ранее не рассматривалась.

В данной работе мы будем рассматривать биографию писателя, представленную в учебнике, как конструкт, созданный на основе биографических

данных, известных автору учебника из различных источников, и отвечающий определенным задачам, которые соотносятся с общими установками того исторического периода, когда учебник был написан. Выбранный подход предполагает, что, прежде чем обратиться непосредственно к тексту учебника, мы должны ответить на вопрос, какими источниками биографических данных и их интерпретаций пользовался (мог пользоваться) автор.

Подчеркнем, что автор учебника не добавляет новых фактов к тому, что уже было известно о жизни и творчестве писателя, не ищет новых способов связать отдельные факты в систему, объясняющую поведение писателя. Формат учебника требует от него не исследования, а компиляции. Изучив различные варианты биографии писателя, он отбирает и адаптирует данные, чтобы создать модель, подходящую для конкретного учебника, ориентируясь на возраст учащихся, их уровень знаний, актуальные образовательные и идеологические установки и т.д.

Как правило, к учебнику не прилагается списка использованной литературы. Без свидетельства автора мы можем лишь предположительно восстановить примерный круг его источников, отдавая предпочтение биографическим исследованиям, которые пользовались авторитетом в то время, когда создавался учебник. Тем не менее, проделав эту работу, мы получим приблизительное представление о том множестве составляющих биографию писателя фактов, из которого автор учебника сделал определенную выборку. Это позволит нам отметить те обстоятельства, которые автор учебника счел недостаточно значимыми в рамках своего проекта или вступающими в противоречие с выстраиваемой им моделью биографии. Также мы исключим возможный вопрос об отсутствии в учебнике каких-либо данных, ставших частью реконструируемой исследователями жизни писателя уже после времени написания учебника.

В первой главе нашей работы «А.С. Грибоедов в послевоенных советских учебниках по литературе» мы даем необходимое представление об истории советских стабильных учебников и реконструируем модели биографии Грибоедова, созданные С.М. Флоринским и Н.А. Спицыной для послевоенных стабильных учебников по литературе.

В параграфе 1. первой главы «Советские стабильные учебники: от многообразия к унификации» мы расскажем о социально-экономических и идеологических причинах, по которым в начале 1930-х гг. советское образование переходит на систему стабильных учебников, сохранившуюся до 1992 г.

Подробнее остановимся на специфике стабильных учебников по литературе как одному из главных идеологических предметов советской школы. Решить поставленные задачи нам помогут исследования В.П. Журавлева [Журавлев 2010а]; [Журавлев 2010б], Ю.В. Лазарева [Лазарев], М.Г. Павловца [Павловец 2016а], Е.Р. Пономарева [Пономарев 2010а].

Параграф 2. первой главы «Учебник С.М. Флоринского (1954 г.)» посвящен образу Грибоедова в первом послевоенном учебнике по литературе для 8 класса.

В параграфе 2.1. первой главы «Автор учебника, история его создания» мы, опираясь на исследования Е.А. Добренко [Добренко 1993]; [История критики] и Е.Р. Пономарева [Пономарев 2009], объясним, как Великая Отечественная война повлияла на развитие советских учебников по литературе; восстановим общий идеологический и образовательный контекст, в котором создавался первый послевоенный учебник для 8 класса. Используя архивные документы и библиотечные системы данных, опишем процесс работы над учебником, длившийся с конца 1940-х до 1954 г., и дадим характеристику его автору Сергею Михайловичу Флоринскому.

В параграфе 2.2. первой главы «Возможные источники биографии Грибоедова», обратившись к обзорам литературы о Грибоедове, актуальным на момент создания учебника, мы очертим примерный круг научных исследований, которые могли послужить источниками для биографии писателя, написанной Флоринским.

В параграфе 2.3. первой главы «Патриотическая модель биографии А.С. Грибоедова: патриотизм как связующее звено между образованностью и декабристскими идеями» мы реконструируем концепцию жизни и творчества Грибоедова, представленную в первом послевоенном учебнике по литературе. Для этого мы соотнесем биографию, написанную С.М. Флоринским, с научными биографиями М.В. Нечкиной, В.Н. Орлова, Н.К. Пиксанова и школьными биографиями предыдущих стабильных учебников. Покажем, как в рамках модели Флоринского связаны патриотизм, образованность, приверженность Грибоедова декабристским идеям и создание комедии «Горе от ума». Докажем, что его концепция в целом соответствует подходу к жизни и творчеству Грибоедова, который сформировался в послевоенные годы, и отражает общую тенденцию того времени: писатель в первую очередь предстает как патриот, стремящийся

выполнить свой долг перед родиной, все детали его биографии получают соответствующую идеологическую интерпретацию либо исключаются из сюжета.

Параграф 3. первой главы «Учебник под редакцией Н.И. Громова (1971 г.)» посвящен образу Грибоедова в последнем советском учебнике по литературе для 8 класса.

В параграфе 3.1. первой главы «Авторы учебника, история его создания» мы расскажем об «оттепельных» дискуссиях в образовании и вызванной ими критике, направленной против учебника С.М. Флоринского; восстановим общий идеологический и образовательный контекст, в котором создавался следующий стабильный учебник для 8 класса, ставший последним. Дадим характеристику авторскому коллективу во главе с Николаем Ивановичем Громовым. Восстановим источники вошедшей в учебник биографии Грибоедова, написанной Надеждой Александровной Спицыной. Решая поставленные задачи, мы будем опираться на исследования Т.Е. Беньковской [Беньковская], А.С. Бодровой, А.В. Вдовина [Бодрова, Вдовин], М.Г. Павловца [Павловец 2016а], Е.Р. Пономарева [Пономарев 2010б]; [Пономарев 2010г]; [Пономарев 2014], а также использовать проведенный нами анализ библиотечных систем данных и статей Н.И. Громова и М.И. Кириллова.

В параграфе 3.2. первой главы «Морально-нравственная модель биографии А.С. Грибоедова: дипломатическая служба как материал для нравственного воспитания» мы реконструируем концепцию жизни и творчества Грибоедова, созданную Н.А. Спицыной для учебника под редакцией Н.И. Громова. Мы выявим основные варианты соотношения литературной и дипломатической деятельности Грибоедова, адаптированные предыдущими советскими стабильными учебниками из воспоминаний современников и научных исследований, чтобы с их помощью определить, в чем состоит особенность варианта, который предлагает Спицына. Сравнив интерпретации двух биографических эпизодов, представленные в научных исследованиях М.В. Нечкиной, В.Н. Орлова, С.М. Петрова, О.И. Поповой и в школьной биографии Спицыной, мы покажем, как в рамках своей концепции Спицына превращает ситуации, возникающие во время службы Грибоедова, в примеры героического следования высоким моральным принципам.

Во второй главе нашей работы «А.С. Грибоедов в современной школе» мы даем необходимое представление об истории российских вариативных учебников и реконструируем модель биографии Грибоедова, созданную В.И. Коровиным для

учебника, который в настоящее время наиболее часто используется в российских школах при изучении Грибоедова.

В параграфе 1. второй главы «Федеральный перечень учебников: от многообразия к ограничению вариативности» мы расскажем, как менялось отношение к вариативным учебникам с начала 1990-х гг. до настоящего времени. Опишем процесс превращения Федерального перечня в инструмент для ограничения вариативности учебников. Определим, какой из учебников по литературе для 9 класса, входящих в Федеральный перечень 2019/2020 уч.г., используется в большинстве российских школ. Указанные задачи мы решим, опираясь в основном на проведенный нами анализ библиотечных систем данных, документации Министерства образования и публикаций в СМИ, затрагивающих тему школьных учебников.

Параграф 2. второй главы «Учебник под редакцией В.Я. Коровиной (издания 2006-2019 гг.)» посвящен образу Грибоедова в учебнике, который у нас есть основания считать самым распространенным на данный момент российским учебником по литературе для 9 класса.

В параграфе 2.1. второй главы «Авторы учебника, история его создания и переработок» мы проследим, как формировался авторский коллектив, стоящий за учебником под редакцией В.Я. Коровиной. Опишем обстоятельства, при которых учебник был создан, и трансформации, которым он подвергался с 1996 по 2006 гг. Подробнее остановимся на истории главы о Грибоедове, автором которой с 2006 г. по настоящее время является Валентин Иванович Коровин. Справиться с поставленными задачами нам поможет проведенный анализ библиотечных систем данных, а также статьи Н.В. Беляевой [Беляева 2001]; [Беляева 2002] и монография Т.Е. Беньковской [Беньковская].

В параграфе 2.2. второй главы «Антиреволюционная модель биографии А.С. Грибоедова: преодоление "мечтательства" и сотрудничество с государством» мы реконструируем концепцию жизни и творчества Грибоедова, представленную в изданиях 2006-2019 гг. учебника под редакцией В.Я. Коровиной. Чтобы достичь цели, мы сравним современную школьную биографию, написанную В.И. Коровиным, с биографиями, созданными для советских стабильных учебников по литературе. Покажем, как в рамках своей биографической модели Коровин отказывается от противостояния между Грибоедовым и властью.

В Заключении мы подведем итоги нашей работы.

Глава I. А.С. Грибоедов в послевоенных советских учебниках по литературе

1. Советские стабильные учебники: от многообразия к унификации

Советские стабильные учебники появились в 1930-х гг. 12 февраля 1933 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы», в котором отсутствие стабильных учебников рассматривалось в качестве одной из причин недостаточно качественного школьного образования. Чтобы изменить ситуацию, было принято решение закрепить за каждым предметом единый обязательный учебник, утверждаемый Народным комиссариатом просвещения (Наркомпросом) РСФСР и издаваемый Государственным учебно-педагогическим издательством (см.: [Постановление]).

С одной стороны, переход на единые учебники вытекал из социально-экономических условий, в которых проходило обучение. Школа столкнулась с проблемой неквалифицированных кадров: большинство учителей не имело высшего образования, у некоторых не было даже семилетнего (см.: [Журавлев 2010а: 106]). Многообразие учебных пособий ставило учителя перед необходимостью выбора, который он был не в состоянии совершить. Если специалисты отстаивали свое право на творческую деятельность, привлекая для уроков, в зависимости от их целей, материал из разных источников, самостоятельно оценивая его качество, комбинируя разные подходы к художественному произведению, то рядовые работники школы нуждались в четкой, однозначной инструкции, готовом знании, которое они могли бы воспроизводить для своих учеников.

Помимо недостатка квалифицированных кадров следовало принять в расчет плачевное состояние полиграфической базы. Во многих учебных заведениях отсутствовали библиотеки, в других библиотечные фонды были весьма ограничены. Они не справлялись с обеспечением учебного процесса по литературе в условиях разнообразия учебных пособий, предлагавших различные по составу списки книг для классного и внеклассного чтения (см.: [Журавлев 2010а: 108]). Таким образом, хотя закон допускал использование разных учебников, эту возможность далеко не всегда удавалось в полной мере реализовать. Стабильный

учебник означал и стабильный список художественных произведений, на публикации которых можно было сосредоточиться в первую очередь.

Социально-экономические факторы, упомянутые выше, действовали и до 1930-х гг., тем не менее решение о создании единых учебников было принято лишь в 1933 г. Оно стало очередным шагом на пути последовательного изменения всего курса советского образования. По словам исследователей Ю.В. Лазарева и В.П. Журавлева, после Октябрьской революции школа (и преподавание словесности, в частности) почти на десятилетие стала объектом для экспериментов. В качестве наиболее смелых из них назовем комплексные программы 1923-1925 гг., в значительной степени ослаблявшие привычное предметное разделение процесса обучения (материал курсов русского языка и литературы, например, использовался как дополнительный, иллюстративный при изложении обществоведческих тем), и дальтонский лабораторный план, призывавший отказаться от классно-урочной формы в пользу самостоятельной проектной деятельности учащихся, определив учителю роль консультанта рабочих бригад (см.: [Лазарев: 114]; [Журавлев 2010б: 42-43]). Тридцатые годы завершали этот период методических исканий, период относительной свободы образования. Постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы» встало в один ряд с постановлениями «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. и «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. (см.: [Лазарев: 114, 116]). Эти документы, в разработке которых участвовал лично И.В. Сталин, критиковали существующую систему, признавая результаты школьного образования неудовлетворительными, утверждали необходимость унификации и строгой регламентации его содержания. Введение единых учебников стало одной из мер по усилению контроля государства над процессом обучения. Они гарантировали, что «на всей территории страны будет изучаться именно то, что нужно, и именно так, как нужно» [Пономарев 2010а]. Строгие правила, регулирующие процесс подготовки и выпуска учебников, с одной стороны, должны были повысить их качество: учебники теперь писали лишь опытные авторы, их работа проверялась экспертами. С другой стороны, государство надежно обезопасило себя от проникновения в школьное образование на этом уровне альтернативных точек зрения, расходящихся с актуальными на данный момент политическими установками.

Если теперь сфокусироваться на преподавании литературы, появление стабильных учебников совпало с процессом становления особой роли этого предмета в рамках советской школы. Начиная с 1930-х гг. русский язык и литература возглавляют таблицу успеваемости учащегося, литературе отводится место одного из главных инструментов идеологии (см.: [Пономарев 2010а]). Стабильные учебники оказываются одним из средств формирования правильного мировоззрения. В.П. Журавлев отмечает, что их внедрение неслучайно начиналось со старших классов, где знания школьника приводились в систему (см.: [Журавлев 2010а: 114]). На этом этапе было особенно важно правильно расставить все акценты, чтобы общее представление о жизни и творчестве каждого писателя, входившего в программу, было выдержано в едином идеологически верном ключе.

Единые учебники пришли на смену рабочим книгам по литературе, наиболее востребованному в конце 1920-х гг. типу учебного пособия. Его структура разрабатывалась под дальтонский лабораторный план, поэтому основу такой книги составлял большой блок вопросов и заданий, активизирующих самостоятельную деятельность учащихся при изучении художественного произведения (см.: [Журавлев 2010б: 44-45]). Из новых учебников подобные вопросы и задания исключили, предоставив лишь результаты анализа, готовые разборы (см.: [Журавлев 2010а: 113]). Сравнение рабочих книг и стабильных учебников по литературе показывает, что требования, предъявляемые к учебным пособиям, кардинально изменились. Как идеологический предмет, литература нуждалась в учебниках, утверждающих единственно правильный взгляд на автора и его произведение, вынося за скобки цепь рассуждений.

Таким образом, перестройка отношений между институтом школы и государством и новая функция литературы как средства идеологизации привели в 1930-х гг. к созданию учебного пособия нового типа, определили его свойства. Единые учебники использовались до начала 1990-х гг., т.е. почти 60 лет. Такое долгое существование объясняется тем, что концепция единых учебников полностью соответствовала духу нового подхода к образованию, в рамках которого преобладающее значение получили процессы стабилизации, унификации, регламентации и идеологизации.

2. Учебник С.М. Флоринского (1954 г.)

2.1. Автор учебника, история его создания

Исследователи (см.: [Журавлев 2010а]; [Павловец 2016а]; [Пономарев 2010а]) выделяют 4 поколения стабильных учебников по литературе. Ниже мы приводим данные – имена авторов и год первого (полноценного) издания, – касающиеся учебников для 8 класса, т.к. именно на этом этапе в школе изучались жизнь и творчество А.С. Грибоедова.

- 1-е поколение стабильных учебников:

Г.Л. Абрамович, Ф.М. Головенченко, 1934 г.

- 2-е поколение стабильных учебников:

Н.И. Пospelов, П.В. Шаблювский, 1939 г.

- 3-е поколение стабильных учебников:

С.М. Флоринский, 1954 г.

- 4-е поколение стабильных учебников:

Н.К. Семенова, Н.А. Спицына, К.П. Лахостский (до 1976 г.), В.И. Коровин (начиная с 1976 г.), Н.И. Громов; под редакцией Н.И. Громова, 1971 г.

В настоящей работе объектом нашего исследования стали послевоенные учебники по литературе для 8 класса, написанные С.М. Флоринским и коллективом авторов во главе с Н.И. Громовым.

Е.Р. Пономарев в своей статье «Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940-1950-е гг.)» рассматривает Великую Отечественную войну в качестве важного фактора, повлиявшего на развитие советских учебников по литературе (см.: [Пономарев 2009]). Доказав несостоятельность классово-идеологической доктрины, возведя патриотизм в ранг абсолютной ценности, война ускорила изменения внутри официальной идеологии, начавшиеся еще во второй половине 1930-х гг. Историк советской культуры Евгений Добренко описывает эти изменения следующим образом: классовая, революционно-интернациональная установка сменилась патриотической, национально-традиционалистской. В результате во время войны и в послевоенные годы «окончательно

выкристаллизовались те качества советского сознания, которые на последующие полвека определили облик советской культуры» [История критики: 368].

Смена идеологической парадигмы привела к ряду существенных переработок официально принятого на тот момент учебника по литературе для 8 класса Н.И. Пospelова и П.В. Шаблювского [Пospelов, Шаблювский]. Согласно хронологии, выстроенной в статьях Е.Р. Пономарева, эти переработки происходили в 1944-1946, 1949 и 1951 гг., параллельно с такими культурно-политическими событиями, как постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград”, борьба с космополитизмом и др. (см.: [Пономарев 2009]). Образы писателей и произведений постепенно подвергались все большему переосмыслению, целью которого было добиться максимальной степени отражения в тексте учебника актуальных национально-патриотических идей: всемирного величия России, свободолюбия русского народа, самобытности русской литературы и т.д. Одновременно тема патриотизма русских писателей активно разрабатывалась литературоведами, среди работ которых можно назвать следующие: «Пушкин и родина» Б.В. Томашевского и А.И. Грушкина (1941 г.), «Любовь к родине в русской классической литературе» Г.А. Гуковского и В.Е. Евгеньева-Максимова (1943 г.), «Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века» А.М. Еголина (1946 г.) и т.д. [Томашевский, Грушкин]; [Гуковский, Евгеньев-Максимов]; [Еголин]

Послевоенные переработки учебника Н.И. Пospelова и П.В. Шаблювского, исследования литературоведов, затрагивающие патриотическую тематику, подготовили почву для появления нового единого учебника по литературе для 8 класса. Он был написан в конце 1940-х – начале 1950-х гг. опытным автором Сергеем Михайловичем Флоринским. Флоринский принимал участие в создании учебников с начала 1930-х гг. Он был ответственным редактором первого стабильного учебника по литературе для 8 класса – учебника Г.Л. Абрамовича и Ф.М. Головенченко, вышедшего впервые в 1934 г. [Абрамович, Головенченко]. Вместе с Б.В. Рождественским Флоринский написал учебник по литературе XIX века для 6-7 классов, допущенный Наркомпросом РСФСР к публикации в 1933 г. [Флоринский, Рождественский]. В 1934 г. выпустили переиздание, исправленное и дополненное. Далее Флоринский работал уже с Н.А. Трифоновым, автором учебника по современной литературе. К 1935 г. они объединили под одной обложкой учебные материалы для 6-7 классов по литературе XIX и XX веков, составлявшие ранее два отдельных учебника [Флоринский, Трифонов]. Нам не

удалось найти сведений о деятельности Флоринского в промежутке между 1935 и 1948 гг. В 1948 г. он представил на конкурс рукопись учебника по литературе для 8 класса. С 1949 по 1954 гг. учебник обсуждался на заседаниях литературно-лингвистической секции учебно-методического совета Министерства просвещения РСФСР, Флоринский перерабатывал текст, учитывая замечая рецензентов (см.: [Стенограмма 1953]; [Стенограмма 1954]). Параллельно он преподавал в московской школе № 167 и сотрудничал с методическим журналом Министерства просвещения РСФСР «Литература в школе». В четвертом номере журнала за 1952 г. Флоринский отвечает на вопрос читателя в рубрике «Консультация», в пятом номере опубликована его статья «Изучение комедии Грибоедова "Горе от ума"» [Флоринский 1952а]; [Флоринский 1952б]. В 1952 г. учебник Флоринского для 8 класса выпустили особым изданием для обсуждения. В сентябре 1953 г. Флоринский получает проект программы по литературе, которую, как и учебник, планировали ввести в следующем учебном году. Он вносит коррективы, приводя учебник в соответствие с новой программой. 22 февраля 1954 г. состоялось последнее заседание учебно-методического совета, на котором учебник был рекомендован к печати (см.: [Стенограмма 1953]; [Стенограмма 1954]). В 1954/1955 уч.г. он уже полностью сменил предшествующий учебник Н.И. Пospelова и П.В. Шаблиовского.

2.2. Возможные источники биографии Грибоедова

Мы не обладаем свидетельством С.М. Флоринского об источниках, которыми он пользовался, создавая свою модель биографии А.С. Грибоедова, поэтому установим, какие биографические исследования пользовались авторитетом в то время, когда он работал над своим учебником. Напомним, что первый полноценный тираж учебника вышел в 1954 г. При этом первоначальный вариант был готов уже к 1948 г., когда автор представил рукопись на конкурс учебников для 8 класса (см.: [Стенограмма 1953]). Значит, интересующий нас период – вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. В 1945 г. праздновалось 150-летие со дня рождения Грибоедова, это событие отметили рядом публикаций о писателе, передающих официально признанную точку зрения на его жизнь и творчество. Чтобы получить информацию о том, какие исследования считались наиболее значимыми, мы изучили два обзора литературы по Грибоедову, вышедшие в 1952 г. Один из них, составленный В. Горбачевским для учителей, был опубликован в журнале «Литература в школе» [Горбачевский]. Второй прилагается к статье С.М. Петрова о Грибоедове, написанной для второго издания Большой советской энциклопедии [Петров 1952].

При подготовке к урокам о Грибоедове В. Горбачевский советует прежде всего обратиться ко второму изданию монографии М.В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» 1951 г. Впервые книга издана в 1947 г., но с изложенными в ней идеями можно было познакомиться и раньше: в статье 1945 г., опубликованной в журнале «Большевик», и в статье 1946 г., вошедшей в сборник «А.С. Грибоедов» серии «Литературное наследство». В 1948 г. монография удостоилась Сталинской премии второй степени, что придало выводам, сделанным Нечкиной, особый статус, обусловило необходимость учитывать ее мнение при построении биографии Грибоедова.

Горбачевский ссылается также на очерки о жизни и творчестве Грибоедова, написанные В.Н. Орловым и С.М. Петровым. Согласно каталогу РНБ, очерк Орлова выходил в 1945, 1949, 1952, 1954 гг. (название минимально видоизменялось, количество страниц постоянно увеличивалось), очерк Петрова - в 1945, 1950, 1954 гг. Владимир Николаевич Орлов – автор вступительной статьи к «Сочинениям» Грибоедова, изданным в 1945 г. Другая его статья вошла в упомянутый выше сборник серии «Литературное наследство» 1946 г. С 1945 г.

Орлов является старшим научным сотрудником Института литературы АН СССР, так же, как и Нечкина, он лауреат Сталинской премии (1951 г.). Сергей Митрофанович Петров с 1948 по 1954 гг. занимал должность заместителя директора Института мировой литературы им. Горького. В 1952 г., как уже было сказано, ему доверили создание статьи о Грибоедове для Большой советской энциклопедии.

Обзор В. Горбачевского рассчитан на учителей, поэтому, называя возможные источники биографических сведений о Грибоедове, он ограничился самыми актуальными работами, написанными во второй половине 1940-х гг. Обзор С.М. Петрова, завершающий статью в Большой советской энциклопедии, обращен к более широкому кругу читателей. Здесь упоминаются те же имена современных исследователей, что и у Горбачевского: М.В. Нечкина, В.Н. Орлов, С.М. Петров. Но, кроме этого, в список включены две более ранние работы: монография Н.К. Пиксанова «Творческая история "Горя от ума"» и сборник под его же редакцией «А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Николай Кирьякович Пиксанов начал заниматься творчеством Грибоедова еще в 1898 г., обучаясь в Юрьевском (ныне Тартуском) университете. В 1908 г. его статья о Грибоедове вошла в первый том «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского. В 1911-1917 гг. под его редакцией вышло первое академическое собрание сочинений Грибоедова. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., когда С.М. Флоринский писал свой учебник, Н.К. Пиксанов преподавал сначала в Московском, потом в Ленинградском государственных университетах. Его работы о Грибоедове продолжали печатать, например, статья «"Горе от ума" в творчестве Гончарова» вошла в сборник 1946 г. «А.С. Грибоедов, 1795-1829» под редакцией И. Клабуновского, А. Слонимского. Однако многие взгляды Пиксанова, касавшиеся в том числе и биографии Грибоедова, в 1940-х гг. подверглись активной критике (см., напр.: [Нечкина: 39-41, 165, 172]).

Подводя итоги анализа, предположим, что во время работы над своим вариантом биографии Грибоедова Флоринский был знаком с исследованиями М.В. Нечкиной, В.Н. Орлова, С.М. Петрова, Н.К. Пиксанова. Особое значение для него имели идеи лауреата Сталинской премии Нечкиной, т.к. в числе прочего представлялись полезными в решении идеологических сверхзадач.

2.3. Патриотическая модель биографии А.С. Грибоедова: патриотизм как связующее звено между образованностью и декабристскими идеями

Исследователи отмечают, что советские стабильные учебники 3-го поколения создавались в рамках патриотического подхода, обусловленного новым идеологическим курсом (см., напр.: [Пономарев 2009]; [Бодрова, Вдовин: 40-41]). Согласно нашим наблюдениям, модель биографии Грибоедова, предложенная Флоринским, отвечает общей тенденции: в ее основе лежит концепция, которую можно назвать патриотической. Грибоедов показан в учебнике как патриот, который желает сделать что-то для своей страны и достигает цели, написав «Горе от ума». В рамках своего сюжета Флоринский связывает патриотизм писателя, его образованность и приверженность декабристским идеям.

Указания на ум и образованность при характеристике Грибоедова являлись общим местом уже в воспоминаниях современников и дореволюционных биографиях писателя. Приведем несколько примеров. В известном письме А.А. Бестужеву из Михайловского, где Пушкин делится своими мыслями по поводу «Горя от ума», он называет Грибоедова очень умным человеком, единственным подлинно умным действующим лицом комедии [Пушкин 1926: 115]. А.А. Бестужев вспоминает, что еще до знакомства с Грибоедовым был наслышан о его гениальности и, несмотря на изначальную предубежденность, признал его ум после первой же встречи [Воспоминания 1929: 133-134, 137]. Историк литературы, академик Алексей Николаевич Веселовский в статье, опубликованной в 1893 г. в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», пишет о Грибоедове: «... По образованности онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ въ литературѣ и обществѣ» [Веселовский: 345]. Закрепленная дореволюционными биографиями в качестве одной из основных характеристик, образованность Грибоедова переходит в советские стабильные учебники. Пospelов и Шаблювский, авторы учебника 1939 г., предшествующего учебнику Флоринского, отмечают, что Грибоедов «был одним из самых образованных людей своего времени» [Пospelов, Шаблювский: 218]. Флоринский повторяет это утверждение практически дословно: «Грибоедов был одним из образованнейших людей своего времени» [Флоринский 1954: 113], однако интерпретирует образованность Грибоедова в соответствии со стоящей перед ним идеологической сверхзадачей.

В дореволюционных и ранних советских биографиях блестящее образование, полученное Грибоедовым, могло объясняться стремлением его матери обеспечить сыну идеальные условия для успешной карьеры. В 4-м томе «Истории русской литературы», опубликованном в 1903 г., академик Александр Николаевич Пыпин пишет: «Въ ту пору, когда у насъ вообще "учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь", Грибоедовъ получилъ особливо тщательное образование; дома заботились объ этомъ въ видахъ будущей карьеры...» [Пыпин 1903: 315]. В 1919 г. в рамках серии «Биографическая библиотека» главу о Грибоедове из работы Пыпина выпустили отдельной книгой [Пыпин 1919], связка «блестящее образование – успешная карьера» перешла в советское литературоведение. Ее использует, например, академик Дмитрий Дмитриевич Благой, автор статьи о Грибоедове в «Литературной энциклопедии» 1929 г. [Благой: 756].

В учебнике Абрамовича и Головенченко 1934 г. (1-е поколение советских стабильных учебников по литературе) представлен другой подход: «Несомненно, что растущий кругозор будущего писателя много содействовал усвоению им передовых идей своего времени и отталкиванию от барской России...» [Абрамович, Головенченко: 74]. Авторы акцентируют внимание не на причине, по которой Грибоедову дают великолепное образование, а на следствии, на том, к чему приводят Грибоедова полученные знания. Образованность интерпретируется как фактор развития прогрессивного мировоззрения, возникает связка «образованность – передовые взгляды». Примечательно, что, развивая эту тему, Абрамович и Головенченко не упоминают о декабристах. В следующем стабильном учебнике, вышедшем в 1939 г., декабристам отводится уже гораздо более значимая роль в повествовании, но обучение Грибоедова и его общение с декабристами прописаны как отдельные, несообщающиеся сюжеты. Авторы Пospelов и Шаблиовский называют временем знакомства Грибоедова с будущими декабристами петербургский период его жизни (1816-1818 гг.), совпадающий с «эпохой зарождения и развития революционного движения в дворянском обществе» [Пospelов, Шаблиовский: 219].

С.М. Флоринский использует связку «образованность – передовые взгляды», чтобы объяснить отношения между Грибоедовым и декабристами. Обратимся к тексту учебника: «В университетском благородном пансионе и университете в его время учились многие будущие декабристы. Передовая часть

студенческой молодежи, к которой принадлежал Грибоедов, жила напряженной умственной жизнью. Чтение прогрессивных писателей конца XVIII — начала XIX века (Фонвизина, Новикова), запрещенной книги Радищева воспитывало передовую молодежь в духе критики государственного и общественного строя, критики низкопоклонства дворян перед всем иностранным. Страстные патриоты, Грибоедов и его друзья возмущались засильем немцев в государственных учреждениях России» [Флоринский 1954: 113-114]. Согласно концепции, представленной в учебнике Флоринского, сходство взглядов Грибоедова и декабристов основывается на общности изначально присущих им качеств – триаде «ум – образованность – патриотизм». Создавая образ декабристов, Флоринский подчеркивает, что, они, как и Грибоедов, умнейшие и образованнейшие люди своего времени: «Тайные общества собирали вокруг себя талантливую и образованную передовую молодежь» [Флоринский 1954: 114]. Поэтому местом первой встречи Грибоедова и будущих декабристов, пространством, их объединяющим, становится учебное заведение (пансион, университет). Ум и образование помогают «прозреть», увидеть истинное положение дел в стране. В соединении с патриотизмом образованность неизбежно приводит к формированию критической позиции по отношению к существующему порядку, возникает потребность сделать что-то для его изменения.

Идея о том, что «грибоедовское мировоззрение выросло на той же почве, что и декабризм» [Нечкина: 108], появляется в первые послевоенные годы в исследованиях М.В. Нечкиной. В главе «Грибоедов-студент среди будущих декабристов» своей монографии 1947 г. «Грибоедов и декабристы» Нечкина рассказывает о 25 будущих декабристах, учившихся в Московском университетском благородном пансионе и Московском университете вместе с Грибоедовым, пытается восстановить настроения студентов того времени, атмосферу, в которой проходило обучение [Нечкина: 73-109]. Вслед за Нечкиной и другие биографы, публиковавшие свои работы в конце 1940-х - начале 1950-х гг., настаивают на важности ранних контактов Грибоедова с будущими декабристами. С.М. Петров включает упоминание о них в краткую статью 1952 г., написанную для Большой советской энциклопедии [Петров 1952: 582]. В.Н. Орлов характеризует эти ранние связи как «обширные» и «глубокие», прямо ссылаясь на Нечкину; в его очерке о Грибоедове учебные заведения играют роль площадок для обсуждения политических, социальных и культурных вопросов [Орлов: 19].

Мы считаем, что выводы, сделанные М.В. Нечкиной, заметно повлияли на концепцию, предложенную С.М. Флоринским. Сравним отрывок из ее монографии с процитированным выше фрагментом учебника: «Идейная атмосфера, в которой жило московское студенчество и в которой вращался в годы ученья Грибоедов, характеризуется значительным движением мысли и связана с передовой идеологией времени. <...> Им знакомы произведения Радищева, Новикова, Княжнина, Пнина — тема России властно входит в юношеское сознание. Их тревожат замеченные несправедливости самодержавно-крепостного строя... Они интересуются просветительной философией, зачитываются Вольтером и Руссо, ищут в героях Плутарха образцов для политической деятельности и служения отечеству» [Нечкина: 107]. В описаниях студенческой жизни Грибоедова и будущих декабристов, сделанных Нечкиной и Флоринским, находим несколько точек пересечения: 1) интенсивная умственная деятельность студентов; 2) равнодушие к судьбе России, интерес к политическим темам; 3) недовольство общественным и государственным строем; 4) существенная роль чтения. На последнем моменте остановимся чуть подробнее.

Согласно свидетельствам, собранным Нечкиной, направление мыслей Грибоедова и других студентов задается русскими и зарубежными писателями и философами: А.Н. Радищевым, Н.И. Новиковым, Д.И. Фонвизиным, Я.Б. Княжнинным, И.П. Пнинным, Плутархом, Вольтером, Руссо, Гете, Шиллером и др. [Нечкина: 93-95, 97-99]. Флоринский убирает из этого ряда всех зарубежных мыслителей и сокращает количество русских. Остаются Фонвизин, Радищев, Новиков, имена которых читателям учебника уже известны: Фонвизину и Радищеву посвящены отдельные главы, о сатирической журналистике Новикова идет речь в обзорной главе «Литература последней трети XVIII века» [Флоринский 1968: 33]. Предположим, что решение ограничить значимый круг чтения Грибоедова и будущих декабристов русской традицией связано с общим процессом «очищения» учебника русской литературы от литератур иноязычных, запущенным в послевоенные годы (см.: [Пономарев 2009]). В основе этого процесса лежит отрицание значимости внешнего влияния на развитие русской культуры. Чтобы прояснить его суть, приведем показательное, на наш взгляд, высказывание А.М. Еголина из книги «Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века» 1946 г.: «Надо решительно осудить распространенную в литературоведении до недавнего времени точку зрения, по сути отрицавшую

самостоятельность русской литературы. В исследованиях и систематических курсах русские философы, литературные критики и даже русские писатели рассматривались лишь как последователи и подражатели известных западноевропейских философов, выдающихся французских, английских или немецких писателей» [Еголин: 29]. Действительный член Академии педагогических наук РСФСР А.М. Еголин в 1946 г. занимал должность заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и заведовал кафедрой истории русской литературы МГУ, т.е. был одним из тех, кто задавал идеологический курс и следил за его выполнением в области литературоведения и педагогики.

Итак, мы показали, как автор учебника, опираясь на работы современных ему биографов Грибоедова, прежде всего М.В. Нечкиной, выстраивает причинно-следственную цепочку «умный, патриотически настроенный человек – образование – критика общественного и государственного устройства – декабристские идеи». Грибоедов одновременно с будущими декабристами осознает неправильность существующего порядка и начинает искать свой способ выступить против него. Этим способом, согласно концепции Флоринского, оказывается создание комедии «Горе от ума».

Особую важность приобретает вопрос о датировке замысла «Горя от ума». Мнения исследователей на этот счет расходятся. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. существовало две основные версии. Н.К. Пиксанов в «Творческой истории «Горя от ума»», изданной впервые в 1928 г., анализирует противоречащие друг другу свидетельства, оставленные современниками, и приходит к выводу, что «следует вести летоисчисление» от 1820 г. В одном из писем, отправленных из Персии в 1820 г., Грибоедов пересказывает недавний сон, в котором обещает за год написать некое уже задуманное им произведение – предположительно, «Горе от ума» (см.: [Пиксанов 1971: 77-84]). Пиксанов считает, что по-настоящему замысел комедии мог оформиться только на Востоке, т.к. раньше светский образ жизни мешал Грибоедову сосредоточиться на работе (см.: [Пиксанов 1971: 153]). М.В. Нечкина в монографии «Грибоедов и декабристы», критикуя позицию Пиксанова, указывает на другую отправную точку – 1816 г. Она опирается на воспоминания друга Грибоедова С.Н. Бегичева, уверяющего, что в 1816 г. он видел первоначальный план комедии и несколько сцен, не вошедших в окончательный текст (см.: [Нечкина: 169-179]). Слова Бегичева отлично вписываются в общую

картину отношений Грибоедова и декабристов, разрабатываемую Нечкиной. В 1816 г. Грибоедов жил в Петербурге, получается, что «Горе от ума» задумывалось в том же физическом и идейном пространстве, что и декабристские организации: «Замысел возник в том же 1816 г., что и первая тайная организация декабристов. План рос и зрел, творчество развивалось в атмосфере постоянного общения с передовой молодежью, в том числе с декабристами и их друзьями» [Нечкина: 179]. Совпадению двух важных дат придается символический оттенок, оно становится очередным основанием для сближения двух сюжетов: творческого пути Грибоедова и политической деятельности декабристов.

Рассказывая о замысле «Горя от ума», Флоринский в целом придерживается версии М.В. Нечкиной. Параграф «Петербург» оставляет у читателя впечатление тесного взаимодействия Грибоедова с декабристами в петербургский период его жизни. Обратим внимание на материал, который автор включает в параграф, и выбранную им композиционную схему. Мы сталкиваемся с целым рядом фактов, которые не имеют прямого отношения к биографии Грибоедова. Автор уточняет год образования «Северного общества» декабристов – 1823-й, в это время Грибоедова даже не было в Петербурге. Уделяет целый абзац спорам, которые вели между собой члены тайных обществ, в которые Грибоедов не входил. Не ограничиваясь простым упоминанием о том, что писатель был хорошо знаком со многими из будущих декабристов, Флоринский перечисляет названия организаций, в которых те состояли: «Часть его знакомых и близких друзей были членами "Союза спасения", "Военного общества", "Союза благоденствия", другие вступили в тайные общества после отъезда Грибоедова в Персию» [Флоринский 1954: 114]. Факты, касающиеся движения декабристов, чередуются с информацией о писателе, как будто Флоринский переплетает две совершенно разные истории, происходящие примерно в одном и том же месте в одно и то же время.

Поясним свою мысль на примере первого абзаца параграфа: «Прожил Грибоедов в Петербурге до сентября 1818 года. Эти годы имели для него очень важное значение. Как раз в это время в Петербурге зарождаются тайные политические организации, из которых впоследствии (в 1823 г.) образовалось "Северное общество" декабристов. Тайные общества собирали вокруг себя талантливую и образованную передовую молодежь» [Флоринский 1954: 114]. В первых двух предложениях речь идет о Грибоедове, в следующих двух – о декабристском движении. Грибоедов не был членом тайного общества, поэтому

два сюжета не сливаются в один, но автор подчеркивает их взаимосвязь рядом общих элементов. События развиваются в Петербурге в 1817-1818 гг., этот временной промежуток представляет собой важный этап для внутреннего развития каждого из сюжетов (появление замысла «Горя от ума» и первых организаций декабристов), герои – Грибоедов и члены тайных обществ – наделены сходными признаками (талантливость, образованность, молодость, передовые взгляды).

Дополнительная сюжетная линия предназначена для раскрытия главной. Помещая детали, относящиеся к движению декабристов, в один из параграфов биографического раздела о Грибоедове, Флоринский наделяет их статусом необходимого контекста, помогающего понять события, которые происходят с писателем в этот период его жизни. Он называет два таких события: «Тогда же начинается и литературная деятельность Грибоедова»; «Замысел «Горя от ума» зародился у Грибоедова именно в это время» [Флоринский 1954: 115]. Как, исходя из концепции, изложенной в учебнике, начало литературной деятельности Грибоедова и возникновение замысла «Горя от ума» связаны с движением декабристов? В тексте нет прямого ответа на этот вопрос, но отбор и расположение информации подталкивают читателя к определенным выводам. Той части истории Грибоедова, в которой нам сообщается, что он становится писателем и задумывает «Горе от ума», предшествует фрагмент, дающий читателю представление о том, какие темы в то время обсуждали декабристы на своих встречах. В частности, какие шаги, по их мнению, следовало предпринять, чтобы изменить существующий порядок к лучшему: «В те годы члены тайных обществ считали, что надо прежде всего развернуть широкую агитацию, бороться словом с крепостнически настроенными кругами дворянства, вести пропаганду новых, передовых идей, пробуждать общественное сознание» [Флоринский 1954: 115]. Смежность фрагментов приводит к тому, что решение Грибоедова заняться литературой воспринимается на фоне распространяемого декабристами отношения к литературе как средству борьбы с устаревшими взглядами. Читателю уже известно, что Грибоедов, как и декабристы, видел недостатки общественного и государственного строя, хотел участвовать в их исправлении. В те петербургские годы, когда начинается его литературная деятельность, Грибоедов тесно общается с декабристами, в нем «зреет страстное желание послужить родине» [Флоринский 1954: 114] – и декабристы подсказывают подходящий способ. Таким образом,

Флоринский подводит читателя к мысли о том, что, создавая «Горе от ума», Грибоедов руководствовался политическими мотивами.

В статье 1952 г. «Изучение комедии Грибоедова "Горе от ума"» Флоринский дает учителям советы о том, на что стоит обратить внимание, рассказывая о жизни писателя. Здесь его позиция проявляется более четко: «... Грибоедов примкнул к лагерю, который, выполняя литературную программу "Союза благоденствия", стремился к созданию национальной русской литературы, общественно-гражданской по своему содержанию и направленности. И если первые литературные опыты Грибоедова были еще далеки от выполнения этой высокой задачи, то в комедии "Горе от ума" она блестяще разрешена» [Флоринский 1952б: 44]. Грибоедов не просто отразил в «Горе от ума» свои взгляды, близкие к декабристским, - он выполнял задачу, поставленную декабристами, т.е. задумывал и писал произведение, которое должно было повлиять на общественное мнение, стать инструментом для достижения политических целей.

Мотивировка, которую использует Флоринский, не совпадает с найденными в научных работах, посвященных Грибоедову. Исследователи послевоенных лет учитывали, что «Горе от ума» полностью отвечает требованиям декабристов к литературе, но предпочитали более сложные объяснения подобного соответствия. В статье «Художественная проблематика Грибоедова», опубликованной в томе «Литературного наследства» за 1946 г., В.Н. Орлов настаивает, что замысел комедии носил эстетический характер: Грибоедов стремился передать «цельный художественный образ эпохи». Поскольку он жил во времена самодержавия и крепостного права, произведение вышло обличающим, «хотя сам Грибоедов и не ставил перед собою прямолинейно-политических задач» [Лит. наследство: 20]. М.В. Нечкина ищет мотив в сфере личных переживаний. С ее точки зрения, «Горе от ума» рождается из уверенности Грибоедова в собственной одаренности и потребности совершить что-то необыкновенное. Он задумывает произведение, которое помогло бы ему реализовать себя. Выросший среди декабристов, Грибоедов считает, что пьеса сможет раскрыть миру его «высокое призвание поэта», только если будет обладать социальной функцией [Нечкина: 180-185].

Версии Орлова и Нечкиной не подходят Флоринскому, т.к. его стратегия состоит в упрощении, схематизации образа Грибоедова. Многообразие мотивов, определяющих поведение писателя, учебник сводит к одному - патриотическому. Во вступлении к биографическому разделу главы о Грибоедове Флоринский

характеризует своего героя как умного и талантливого человека, отдавшего «все свои богатые силы и способности... на служение родине» [Флоринский 1954: 113]. Разворачивая перед читателями историю Грибоедова, он строго придерживается заданной установки.

Чтобы понять, как стремление Флоринского подчинить всю деятельность Грибоедова единой идее выполнения долга перед родиной повлияла на развитие школьного образа Грибоедова, сравним изложение одних и тех же событий в учебнике С.М. Флоринского и предшествующем ему учебнике Н.И. Пospelова и П.В. Шаблювского. В июле 1812 г. Грибоедов добровольно вступил в Московский гусарский полк, в декабре 1815 г. он подал прошение об отставке (см.: [Летопись: 62, 76, 78]). Мы решили остановиться на эпизоде военной службы Грибоедова, т.к. при его интерпретации допустимы принципиально разные варианты: можно как подчеркнуть патриотизм Грибоедова, так и поставить его под сомнение.

В учебнике Н.И. Пospelова и П.В. Шаблювского 1939 г. о военной службе Грибоедова рассказывается следующим образом: «Поход Наполеона на Россию в 1812 г. вызвал в русском обществе высокое патриотическое настроение, которое захватило и А.С. Грибоедова. Он поступил добровольцем в полк, набиравшийся графом Салтыковым. Грибоедовым при этом руководило не только чувство патриотического долга, но и стремление к личной свободе и самостоятельности, желание вырваться из узкого и затхлого круга тяготивших его семейных и светских отношений.

Военный период в жизни Грибоедова длился с лишком три года (1812-1815 гг). Будущему писателю не пришлось принять участия в боях, потому что к тому времени Наполеон уже был изгнан из пределов России. Военная служба Грибоедова протекала в захолустных местечках Белоруссии и не заключала в себе ничего, что могло бы удовлетворить его высшим запросам. Она оказалась для него полезной лишь в том отношении, что расширила круг его наблюдений над пошлостью и другими недостатками дворянского общества той эпохи. Вскоре Грибоедов стал тяготиться чуждой ему военной средой не меньше, чем московским светским обществом. Ему удастся перевестись в Петербург...» [Пospelов, Шаблювский: 219].

В процитированном фрагменте заметно явное намерение авторов преуменьшить патриотизм Грибоедова, о наличии которого свидетельствует упомянутый ими поступок - добровольное вступление в полк во время войны. Для

этой цели они, во-первых, подчеркивают его общенародный характер. Патриотизм изображается не как свойство личности Грибоедова, пробужденное при определенных исторических условиях, а как вызванное этими условиями «настроение», идущее извне и передающееся всем членам общества вне зависимости от их индивидуальных качеств. На внешний источник патриотизма Грибоедова указывает, в частности, глагол «захватить». Во-вторых, авторы учебника уравнивают «высокую» причину поступка «низкой», личной, показывая, что в данном случае следование долгу перед родиной у Грибоедова совпало с выполнением собственных желаний, романтическим стремлением к свободе. Для объяснения ухода с военной службы личная причина выводится на первый план: романтические ожидания, связанные с войной, не оправдались, новая жизнь, принципиально не отличающаяся от старой, не отвечала «высшим запросам» Грибоедова.

Теперь посмотрим, как интересующий нас эпизод биографии подается в учебнике С.М. Флоринского: «В 1812 году Грибоедов, охваченный патриотическим порывом, поступил добровольцем в формировавшийся гусарский полк. Однако принять участие в военных действиях Грибоедову не пришлось. Военная служба вдали от фронта тяготила его. Грибоедов вышел в отставку...» [Флоринский 1954: 114].

Согласно данной интерпретации, вступление в полк мотивировано лишь одной причиной, патриотической. Если у Пospelова и Шаблиовского Грибоедов предстает «одним из многих», поддавшихся внешней силе, общему настроению, и попавших в итоге на военную службу, то у Флоринского мы имеем дело с моделью «один против мира»: Грибоедов сталкивается с внешними, неподвластными ему обстоятельствами, по вине которых он не смог до конца реализовать свой «патриотический порыв» и принять активное участие в военных действиях. Важную роль в языковом оформлении этой идеи играет коннектор «однако», с помощью которого в текст вводится двойное противопоставление: несоответствие ожиданий реальности и конфликт между Грибоедовым и внешней силой, стоящей за безличной конструкцией «не пришлось». Флоринский изображает ситуацию таким образом, что уход со службы оказывается поступком еще более патриотическим, чем поступление на нее. Грибоедов не способен довольствоваться формальным нахождением на службе, его патриотическое рвение не приемлет полумер.

В этом параграфе мы выделили основной сюжет, в соответствии с которым С.М. Флоринский отбирал факты и их интерпретации для своей модели биографии А.С. Грибоедова. Патриотически настроенный герой, получив хорошее образование, осознает неправильность общественного и государственного устройства своей страны. Будущие декабристы, обеспокоенные теми же проблемами, подсказывают ему, как можно внести свой вклад в борьбу против внутренних врагов родины (сторонников самодержавия и крепостного права, слепых подражателей всему иностранному) – создать художественное произведение, способное повлиять на общественное мнение, высветить недостатки принятого порядка вещей и распространить прогрессивные идеи по его улучшению. Собственно, вся деятельность Грибоедова в изложении Флоринского подчинена единой идее выполнения долга перед родиной, но комедия «Горе от ума» считается его наивысшим достижением на этом поприще.

Проведенный анализ показал, что школьная концепция Флоринского в целом соответствует научному подходу к жизни и творчеству А.С. Грибоедова, представленному в работах М.В. Нечкиной, В.Н. Орлова, С.М. Петрова, написанных в конце 1940-х гг. Наибольшее влияние на Флоринского оказали идеи М.В. Нечкиной, отраженные в монографии 1947 г. «Грибоедов и декабристы». Сходство концепций Флоринского и Нечкиной, на наш взгляд, объясняется тем, что из перечисленных исследователей Нечкина, удостоенная за свою монографию Сталинской премии, дальше остальных продвинулась по пути последовательного переосмысления биографии Грибоедова в едином идеологически выверенном ключе.

Связывая патриотизм писателя, его образованность и приверженность декабристским идеям, мотивируя деятельность Грибоедова, в первую очередь создание «Горя от ума», желанием сделать что-то на благо родины, Флоринский сочетает историко-литературное просвещение с идеологическим воспитанием. Он рассказывает историю Грибоедова таким образом, чтобы она могла стать для советских школьников примером для подражания. Образ Грибоедова упрощается, схематизируется, чтобы предельно акцентировать внимание на идеологически значимых чертах: любви к родной земле и народу, внутренней потребности посвятить себя служению родине.

3. Учебник под редакцией Н.И. Громова (1971 г.)

3.1. Авторы учебника, история его создания

В декабре 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Руководство страны признавало, что существующая образовательная система несовершенна и нуждается в переработке. Одна из проблем заключалась в том, что школа недостаточно эффективно справлялась с возложенной на нее задачей по подготовке людей, активно отстаивающих правильные, официально одобренные ценности. Чтобы исправить положение, предлагалось, среди прочего, «серьезно улучшить постановку воспитательной работы в школе» (статья 6 раздела I [Закон 1958]). И в первую очередь это требование должно было коснуться уроков литературы, занимавшей место главного идеологического предмета.

Закон 1958 г. подтвердил готовность государства к изменениям в сфере образования. Дискуссии о том, какими должны быть эти изменения, предшествовали самому закону и длились до начала 1960-х гг. (об «оттепельных» дискуссиях в образовании см. подробнее, напр.: [Бодрова, Вдовин: 44-45]; [Павловец 2016а]; [Пономарев 2010б]; [Пономарев 2010г]). На страницах «Литературы в школе», «Литературной газеты» и других подобных изданий, в различных методических пособиях активно обсуждались вопросы, связанные с преподаванием литературы в школе: цели ее изучения, состав списка изучаемых произведений, используемые на уроках методические приемы, требования к современному учебнику по литературе. Школу упрекали в «отрыве от жизни», предлагая обращать больше внимания на связь художественных произведений с современными проблемами, на отражение в них общечеловеческих ценностей, на личностное восприятие книг учениками. Возродился интерес к особенностям, составляющим художественное своеобразие того или иного произведения, индивидуальным чертам авторов и их героев.

Действующие учебники по литературе, в том числе и учебник для 8 класса С.М. Флоринского, были созданы в русле иной концепции литературного образования, поэтому не удовлетворяли запросам оттепельного времени. С точки зрения участников дискуссий второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., они являлись частью проблемы, которую необходимо было решить. Преподавание

литературы «засушили», свели к передаче идеологически выверенных схем, применимых к любому писателю или произведению, к заучиванию готовых формулировок. Скучные учебники рассматривались в качестве одной из причин, по которым уроки потеряли свою привлекательность, а следовательно, и способность прививать учащимся любовь к литературе (см. подборку текстов из «Литературы в школе» за 1956-1961 гг., сделанную Е.Р. Пономаревым: [Пономарев 2010г]).

Приведем пример «оттепельной» критики, которой подвергся учебник С.М. Флоринского. М.И. Кириллов, учитель с тридцатилетним стажем работы, в статье «О недостатках учебников по литературе», опубликованной в журнале «Литература в школе» в 1960 г., называет три существенных недостатка, которые проявляются на разных уровнях учебника: «бессистемность изложения материала», «оторванность его от текста произведения», «отрыв формы от содержания» [Кириллов: 68]. Кириллов обращает внимание, что, характеризуя героев произведений, Флоринский перечисляет отдельные черты, не пытаясь связать их между собой, выделить главное; не сопровождает анализ достаточным количеством цитат; не соотносит формальные и содержательные элементы, например, описывая особенности речи героя, не объясняет, чем они обусловлены. В итоге у учеников не складывается яркого и целостного образа героя, «получается голая схема, которая не вызывает никаких чувств. Да и закрепить эту схему в сознании возможно разве только самой обыкновенной зубрежкой» [там же: 66]. Воспитательная ценность литературы снижается, т.к. герои произведений «перестают быть живыми людьми и не могут служить примером» [там же: 68]. Кириллов приходит к выводу, что учебник Флоринского не помогает учителю, а, скорее, становится источником дополнительных трудностей. Он дает ложное представление об изучении литературы, подталкивая учеников к формальному воспроизведению ничем не подкрепленных утверждений.

Споры о том, какими должны быть новые учебники по литературе, откладывали их появление. Несмотря на критическое отношение к действующему учебнику для 8 класса, замену подготовили только в конце 1960-х гг. Нам кажется убедительной версия Е.Р. Пономарева, считающего что новый учебник возник в то время, когда «последние проявления оттепели упразднились», из-за необходимости снова «привести преподавание к единообразию» [Пономарев 2014]. С одной стороны, «методический маятник качнулся обратно» [Пономарев 2010б], школа

вернулась к важности правильного понимания текста и утверждению национально окрашенных ценностей. С другой стороны, за годы «оттепельных» дискуссий накопилось множество идей, которые также требовалось учесть. Новый учебник создавался, чтобы «удовлетворить всех» [Пономарев 2014].

Учебник под редакцией Н.И. Громова принадлежал к последнему, четвертому поколению советских стабильных учебников. Впервые изданный в 1968 г., несколько лет он сосуществовал с учебником С.М. Флоринского, пока в 1971 г. не был утвержден в качестве основного, и затем использовался в школе до 1990 г., выдержав 16 изданий. По предположению А.С. Бодровой и А.В. Вдовина (см. [Бодрова, Вдовин: 49, 51]), одна из причин долгой жизни этого учебника заключалась в попытке его авторов совместить старые национально-патриотические и классовые идеи с достижениями оттепели - личным, эмоциональным восприятием и общечеловеческой проблематикой.

Над учебником работала группа ленинградских методистов во главе с Николаем Ивановичем Громовым. Николай Иванович входил в число учеников известного литературоведа Григория Александровича Гуковского. В 1938-1941 гг. Гуковский руководил кафедрой литературы Ленинградского Института усовершенствования учителей. В начале 1940-х гг. вокруг него сформировалась методическая школа, члены которой критиковали общепринятую практику использования «универсальных шаблонов» на уроках литературы, отстаивали важность целостного изучения произведения, искали способы сближения школьного анализа с научным, стремились к усилению роли учащихся как активных участников образовательного процесса (см.: [Беньковская: 122-124]; [МПЛ: 104-106]). В 1966 г., спустя 16 лет после смерти автора, ученики Гуковского смогли опубликовать завершенную им еще в 1940-х гг. книгу «Изучение литературного произведения в школе (Методологические очерки о методике)». Н.И. Громов написал к этой работе вступительную статью, в которой поделился воспоминаниями о том, как проходили организованные Гуковским лекции и дискуссии, посвященные проблемам методики преподавания литературы (см.: [Громов 1966: 7-9]). Идеи Гуковского, в 1940-х гг. казавшиеся многим слишком смелыми, идеально вписались в контекст методических исканий 1950-х - 1960-х гг. Громов не только высоко ценил их, но и сам развивал. Например, в статье «Заметки о преподавании литературы», вышедшей в журнале «Литература в школе» за 1959 г., он доказывает, что повышение самостоятельности учащихся на уроках усилит

воспитательное воздействие художественной литературы. Чтобы этого добиться, методика должна поставить в центр внимания ученика, строить процесс обучения, отталкиваясь от его интересов, уровня знаний (см.: [Громов 1959]).

Помимо Н.И. Громова, к работе над новым учебником для 8 класса были привлечены Наталья Константиновна Семенова (глава о литературе до XIX века), Надежда Александровна Спицына (главы о литературе первой четверти XIX века и Грибоедове) и Кирилл Павлович Лахостский (глава о Пушкине). Все они являлись методистами с опытом изучения соответствующих тем, авторами школьных пособий, написанных в разгар «оттепельных» дискуссий о преподавании литературы. В 1956 г. в ленинградском отделении Учебно-педагогического издательства вышли методические пособия Лахостского (в соавторстве с В.Ф. Фроловой) «Пушкин в школе» и Спицыной «Грибоедов в школе», в 1957 г. – пособие Семеновой «Изучение "Слова о полку Игореве" в VIII классе» [Лахостский, Фролова]; [Спицына]; [Семенова]. Решение задействовать целый коллектив авторов (впервые для советского учебника этой ступени обучения) и включение в этот коллектив людей, уже успевших зарекомендовать себя как специалистов по методике преподавания вверенных им тем, указывают, как мы считаем, на стремление повысить научный уровень нового школьного учебника.

Пособие «Грибоедов в школе» снабжено библиографией [Спицына: 121-123], позволяющей нам судить, к каким источникам обращалась Н.А. Спицына, создавая модель биографии Грибоедова для учебника. Основные научные исследования, перечисленные в библиографии, – книга М.В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы», очерки В.Н. Орлова и С.М. Петрова – относятся к 1940-м гг. Исключение составляет вышедшая в 1953 г. в шестом томе «Истории русской литературы» статья Н.К. Пиксанова, но его концепция жизни и творчества Грибоедова изложена также во множестве более ранних публикаций. О работах Н.К. Пиксанова, М.В. Нечкиной, В.Н. Орлова, С.М. Петрова мы подробно рассказывали ранее, когда занимались реконструкцией возможных источников, использованных С.М. Флоринским, автором предыдущего стабильного учебника (см. параграф 2.2. главы I).

Отбирая факты и их интерпретации для школьной биографии Грибоедова, Флоринский и Спицына опирались на одни и те же источники. Тем не менее они создали две разные биографические модели, каждая из которых отвечала идеологическим и образовательным запросам своего времени.

3.2. Морально-нравственная модель биографии А.С. Грибоедова: дипломатическая служба как материал для нравственного воспитания

Н.А. Спицына, автор главы о Грибоедове в учебнике под редакцией Н.И. Громова, создает морально-нравственную концепцию жизни и творчества Грибоедова. Она предлагает смотреть на биографию писателя как на «богатый материал для нравственного воспитания школьников, для формирования их взглядов, их отношения к людям» [Спицына: 5]. В пособии для учителей «Грибоедов в школе» 1956 г. и позже в главе стабильного учебника, впервые опубликованного в 1968 г., Спицына изображает человека, который, благодаря своим высоким моральным качествам, всегда поступал правильно, даже если ради этого необходимо было жертвовать личными интересами. В поисках ситуаций, которые могли бы служить примерами поведения для учащихся, автор обращается к дипломатической деятельности Грибоедова.

В дореволюционных и советских довоенных биографиях А.С. Грибоедова представлены разные варианты соотношения его литературной деятельности и дипломатической службы.

Согласно концепции Н.К. Пиксанова, которую он изложил в 1908 г. в статье, вошедшей в первый том «Истории русской литературы XIX века» (см.: [Пиксанов 1908:196-198]), жизнь Грибоедова организована фундаментальным противоречием между его духовными запросами, желанием заниматься творчеством и житейской действительностью, необходимостью исполнять служебные обязанности. Исследователь характеризует дипломатическую деятельность Грибоедова как «постыльную канцелярскую работу», не способную должным образом задействовать его ум и образованность, вынуждавшую его оставаться на востоке, «въ обстановкѣ, часто лишенной и тѣни культурности», вдали от литературных и общественных центров. При таком подходе служба Грибоедова лишена ценности, она играет лишь роль препятствия, мешающего писателю воплотить творческие замыслы, полностью отдаться своему призванию.

В советское время появляется еще один вариант противопоставления Грибоедова-писателя и Грибоедова-дипломата. В речи, произнесенной в феврале 1929 г. на заседании, посвященном памяти писателя, руководитель Народного комиссариата просвещения РСФСР А.В. Луначарский называет дипломатическую службу моральным поражением Грибоедова, его уступкой окружающей

действительности, попыткой вписаться в мир, против которого он внутренне восставал. Действия Грибоедова в Персии признаются успешными, но оцениваются отрицательно: заставил персов подписать «унизительнейший колониальный мир», помогал «выжимать последние соки из этой страны» для уплаты контрибуции. По мнению Луначарского, как чиновник, Грибоедов вынужденно совершал поступки, которые считал неправильными, преступными. Литература была для него способом раскрыть правду, выразить свои настоящие взгляды на государственное и общественное устройство (см.: [Критика:328-330]).

Авторы первого стабильного учебника по литературе 1934 г. Г.Л. Абрамович и Ф.М. Головенченко, вслед за Луначарским, рассматривают службу Грибоедова как дань старому миру. Их цель - изобразить передового мыслителя, не сумевшего в полной мере освободиться от пагубного влияния социальной среды, оторваться от дворянского класса. Как и Луначарский, Абрамович и Головенченко используют сведения о литературной и дипломатической деятельности Грибоедова, чтобы подчеркнуть амбивалентность его образа: сочетание критики «феодално-крепостнической самодержавной России» в комедии «Горе от ума» с «ревностным проведением правительственной политики» на посту полномочного министра России в Персии (см.: [Абрамович, Головенченко:75-77]).

Существовали также биографические модели, в которых литературная деятельность и дипломатическая служба Грибоедова сопоставлялись, подчеркивались общие моменты, их связывающие. Эту традицию заложил Александр Сергеевич Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Он одним из первых описал обе сферы параллельно, как два направления, в каждом из которых равно проявилась одаренность Грибоедова: «Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан...»; «Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия: «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником» [Пушкин 1950: 667-668]. Пушкин рассказывает о Грибоедове как об умном и талантливом человеке, у которого долгое время не получалось себя реализовать; в какой-то момент обстоятельства сложились

удачным образом и он наконец показал всем, на что способен, добился признания. Этот сюжет охватывает обе стороны жизни Грибоедова – и творческую и служебную, – подчиняя их единой логике развития.

В советское время по пути сближения литературной и дипломатической деятельности Грибоедова идет, например, академик Д.Д. Благой. В статье «Литературной энциклопедии» 1929 г. он пишет, что назначение на высокий пост полномочного посла в Персии, где «завязывался один из самых трудных узлов мировой политики», открыло перед Грибоедовым возможность участия в решении важных задач государственного масштаба: «Его "пламенная страсть... к делам необыкновенным", к "замыслам беспредельным" теперь нашла себе исход» [Благой: 760-761]. В приведенном выше фрагменте статьи Благой объясняет, какое значение для писателя имела его служба, используя часто цитируемые выражения из писем С.Н. Бегичеву, но меняет контекст: Грибоедов делился с другом своими писательскими амбициями (см.: [Грибоедов: III, 75, 98]). Исследователь считает, что в дипломатии Грибоедов ставил перед собой ту же цель, что и в литературе, – совершить нечто значительное, достойное славы.

Во втором стабильном учебнике по литературе 1939 г. Н.И. Пospelов и П.В. Шаблиовский отказываются от противопоставления литературной и дипломатической деятельности Грибоедова. По сравнению с первым учебником акценты в истории смещаются. Раньше в ее основе лежал внутренний конфликт между взглядами Грибоедова, обусловленными его социальным классом, и мыслями, появившимися в результате собственных размышлений над увиденным и прочитанным. Служба, атрибут дворянства, и создание комедии «Горя от ума» разводились по разным полюсам. Пospelов и Шаблиовский изображают Грибоедова цельной личностью, выдвигая на первый план внешний конфликт между его стремлениями и окружающим миром, препятствующим их воплощению. Они следуют пушкинскому сюжету. Приводят фрагмент из «Путешествия в Арзрум», посвященный трудностям, с которыми столкнулся Грибоедов как писатель и дипломат («Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям...»); ставят назначение послом в один ряд с общественной реакцией на «Горе от ума», интерпретируя его как свидетельство заслуженного успеха Грибоедова, результат признания его умений и талантов на дипломатическом поприще: «Грибоедов... вел с наследником персидского престола мирные переговоры, закончившиеся выгодным для России Туркманчайским миром... Царь наградил Грибоедова

крупной денежной суммой и назначил его полномочным послом в Персию. Таким образом, по словам Грибоедова, он "вмиг сделался и знатен и богат"» (см.: [Поспелов, Шаблювский: 221]).

Выстраивая свою модель биографии, авторы учебника ориентировались также на статью Д.Д. Благого в «Литературной энциклопедии». На этот источник указывает допущенная ими фактическая ошибка. Слова «вмиг сделался и знатен и богат», которые Поспелов и Шаблювский приписывают Грибоедову, на самом деле принадлежат одному из его современников Н.Н. Муравьеву-Карскому (см.: [Воспоминания 1929: 86]). Мы предполагаем, что причиной ошибки стало неудачное построение фразы в статье «Литературной энциклопедии»: «Грибоедов, до тех пор, по его собственным словам, – "нищий, слуга государю из хлеба", "вмиг сделался и знатен и богат"» [Благой: 760]. Поспелов и Шаблювский не понимают, что Благой обозначает с помощью вводного оборота «по его собственным словам» авторство лишь первой цитаты, оставляя вторую без комментария. Связка «назначение послом – улучшение социального статуса и материального положения», которую авторы учебника заимствуют из работы Благого, вписывается в избранный ими сопоставительный подход к службе и литературной деятельности Грибоедова как двум областям, в которых он достиг выдающихся успехов.

Автор третьего стабильного учебника по литературе 1954 г. С.М. Флоринский, как мы уже писали в параграфе 2.3, помещает в основу биографии Грибоедова принцип: «И все свои богатые силы и способности он отдал на служение родине» [Флоринский 1954: 113]. В рамках его концепции литературную и дипломатическую деятельность Грибоедова объединяет патриотическая направленность: и создание общественно-политической комедии «Горе от ума», и участие в заключении выгодного для России Туркманчайского мирного договора с Персией мотивировано стремлением Грибоедова принести пользу своей стране. Выше мы цитировали фрагмент из второго стабильного учебника, в котором Поспелов и Шаблювский рассказывают о заключении мира с Персией и назначении Грибоедова послом. Сравним его с аналогичным фрагментом из учебника Флоринского:

«Опытный дипломат, Грибоедов много сделал для выработки выгодных для России условий мира. Паскевич, оценив деятельность Грибоедова, отправил его в Петербург с донесением о заключенном в Туркманчае мирном договоре.

Назначенный послом, Грибоедов вновь должен был ехать в Персию» [Флоринский 1954: 117].

В отличие от авторов предшествующего учебника, Флоринский не упоминает, что Грибоедов получил за участие в мирных переговорах какую-либо материальную награду. О назначении послом он пишет как об очередном служебном поручении, не объясняя читателям, насколько значима эта должность для карьеры Грибоедова. Связка «назначение послом – улучшение социального статуса и материального положения» являлась частью сюжета о человеке, добившемся заслуженного признания своих способностей в литературном творчестве и дипломатии. Флоринский отказывается от нее, т.к. рассказывает совсем другую историю – о патриоте, любая деятельность которого связана с заботой о благе родины. Детали биографии, свидетельствующие о карьерном взлете Грибоедова, не находят своего места в этой системе, поэтому выпадают из повествования.

Подобно авторам двух предыдущих стабильных учебников, Н.А. Спицына сближает литературную и дипломатическую деятельность Грибоедова, но находит для этого новое основание. Она создает образ писателя, который в жизни, в различных ситуациях, возникавших во время его дипломатической службы, всегда придерживался высоких моральных принципов и через свои произведения учил других людей поступать так же. Чтобы добиться цели, Спицына включает в школьную биографию Грибоедова несколько эпизодов, которые составляли часть его научной биографии, но в учебниках ранее никогда не использовались. Именно поэтому они привлекли наше внимание: т.к. присутствие этих эпизодов в учебнике совершенно не обусловлено традицией, они наиболее ярко выражают авторскую концепцию жизни и творчества Грибоедова.

Первый из упомянутых эпизодов – вывод русских солдат из Персии (см.: [Летопись: 132-137]; [Шостакович: 60-64]). После русско-персидской войны 1804-1813 гг. был заключен Гюлистанский мирный договор, согласно которому все подданные Российской империи, оказавшиеся на территории Персии, могли беспрепятственно вернуться на родину. Главным образом это касалось пленных и дезертиров, из которых сын шаха Аббас-Мирза сформировал «русский батальон». До 1819 г., когда Грибоедов приступил к своим обязанностям секретаря русской миссии в Персии, дипломаты безуспешно пытались добиться выполнения этого условия. Персы, не выступая против договора открыто, продолжали удерживать

русских солдат, т.к. те превосходили по навыкам персидских и были очень полезны в качестве военных инструкторов, к тому же Аббас-Мирза планировал использовать их в предстоящей борьбе с братьями за престол. В свою очередь, российская сторона не могла уступить, потому что существование «перебежчиков», русских солдат, перешедших на службу в персидскую армию, серьезно подрывало ее авторитет. Грибоедов был первым, кому удалось сдвинуть дело с мертвой точки. Он уговорил часть пленных и дезертиров вернуться домой, вызывая к их патриотизму и обещая полное прощение. Ссылаясь на договор, Грибоедов вынудил Аббаса-Мирзу отпустить всех солдат, желающих покинуть Персию. Став во главе отряда, он смог доставить вверившихся ему людей в Тифлис, несмотря на активное сопротивление персов, которые разными способами мешали их продвижению к границе, подкупом и угрозами убеждая русских солдат остаться.

В 1929 г. исследовательница Ольга Ивановна Попова опубликовала найденные в частном архиве служебные донесения и письма Грибоедова, которые имели отношение к организованному им возвращению пленных и дезертиров. Ее работа «А.С. Грибоедов в Персии, 1818-1823 гг.» привлекла внимание к рассматриваемому эпизоду, но он все равно оставался на периферии научной биографии Грибоедова. Показательно, что в послевоенных биографических очерках В.Н. Орлова и С.М. Петрова вывод русских солдат из Персии даже не упоминается. Судя по библиографии, которая прилагается к пособию «Грибоедов в школе» [Спицына: 121-123], Н.А. Спицына вводит это событие в свое повествование о писателе, опираясь на монографию М.В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы». Чтобы понять, зачем автор краткой, адаптированной для школы биографии обращается к незначительному эпизоду дипломатической службы писателя, выясним, как этот эпизод интерпретировался ранее, в работах Поповой и Нечкиной, и определим, в чем состоит специфика его изложения у Спицыной.

Рассуждая о причинах, которые побудили молодого дипломата заняться проблемой пленных, зная, что для этого ему придется вступить в противодействие с персами на их территории, О.И. Попова отмечает, что он мог преследовать личные интересы («желание отличиться и выслужиться») и сочувствовать соотечественникам, но «на первом плане для него стояли, очевидно, не столько заботы о солдатах, сколько забота о престиже России» [Попова 1929: 12]. Исследовательница подчеркивает, что Грибоедов помогал не просто русским пленным, а солдатам, вынужденным служить в персидской армии: «...здесь имел

место романтический порыв патриотизма, вызванный уязвленным национальным самолюбием. Мысль, что русские солдаты стали наемниками персиян, его угнетала и волновала» [Попова 1929: 12]. Фраза, которая появляется в заметках Грибоедова в то время, когда он, несмотря на резкую, враждебную реакцию со стороны персов, собирает отряд для возвращения в Россию, – «Голову мою положу за несчастных соотечественников» – трактуется как пророческая. Попова проводит параллель между акцией, организованной в 1819 г., и разгромом российского посольства в Тегеране в 1829-м, когда дипломат был убит. По ее мнению, и в том и в другом случае Грибоедов сознательно принимал решения, подвергающие его жизнь опасности, шел на риск, руководствуясь патриотическими мотивами (см.: [Попова 1929: 15, 31-32]). Таким образом, цель Поповой – показать, что начало дипломатической деятельности Грибоедова уже содержит в себе черты, которые привели к ее трагическому завершению.

М.В. Нечкина отводит интересующему нас эпизоду совершенно другое место в биографии Грибоедова. Рассказывая о произошедшем, она упускает деталь, которая, с точки зрения Поповой, являлась ключевой. В монографии «Грибоедов и декабристы» нигде не говорится напрямую, что солдаты, возвращенные в Россию, состояли на службе у персов. Лишь один раз они названы сарбазами (т.е. персидскими пехотинцами), но значение этого слова не раскрывается (см.: [Нечкина: 334]). Выбранный способ изложения обусловлен тем, что Нечкина переворачивает предложенную Поповой иерархию мотивов, движущих Грибоедовым. Патриотизм отходит на второй план, важнее оказывается искреннее участие к судьбе простых людей.

В опубликованных Поповой рапортах, составленных Грибоедовым для своего начальника Симона Ивановича Мазаровича, есть художественные вставки – истории двух солдат, с которыми возникают проблемы по пути в Тифлис (см.: [Попова 1929: 59-60, 72]). В отличие от Поповой, не обратившей внимания на эти истории, Нечкина пересказывает их как свидетельства особых взаимоотношений, сложившихся между Грибоедовым и членами его отряда: «Как волнуется Грибоедов, когда вдруг исчезает из отряда солдат Ларин. Грибоедов верит, что это случайно, что Ларин вернется, нагонит отряд, и Ларин действительно является – он случайно отстал, один нашел путь в пустыне и, преодолев все препятствия, возвратился. Грибоедов восхищен в Ларине сильным русским человеком, восторгается его верностью и бесстрашием» [Нечкина: 334]. Для сравнения

приведем фрагмент из рапорта Грибоедова, в котором описано исчезновение Ларина: «Я сделал привал... а сам с Юсуфом... поскакал назад, на поиски. Я кричал, звал их по именам, Юсуф то же самое – ответа не было: лишь подало голос несколько бродячих татар. Немое оцепенение овладело мною. Благодаря богу, мы не потеряли дороги, но я вернулся в отчаянии. Они, наверное, напильсь, – говорил я себе, – в суматохе отъезда и потеряли и разум и силы... Мне привели одного из них... Другой потерялся, быть может, навсегда. Его имя – Ларин, красивый малый, внушающий доверие, скромный, только склонный выпить. Если вы узнаете, что его привели в Табриз, позаботьтесь об его освобождении. Я очень огорчен за него» [Попова 1929: 60]. Грибоедов, с присущим ему мастерством, создает в своих донесениях яркий образ предводителя, который восхищается положительными качествами своих подопечных, великодушно прощает им слабости и беспокоится о них как о родных. Нечкина заимствует этот образ и превращает его в часть биографии Грибоедова. Использует донесения писателя как правдивый источник информации, позволяющий восстановить мысли и чувства Грибоедова во время перехода из Табриза в Тифлис, доказать, что он испытывал сильную привязанность к солдатам, которых сопровождал, отразившуюся, в частности, во фразе: «Голову мою положу за несчастных соотечественников».

Переключение с патриотической мотивации на гуманистическую является первым шагом на пути переосмысления эпизода. Второй шаг заключается в том, что Нечкина меняет его ценностную полярность. Попова относилась к выводу русских солдат из Персии как к дипломатической победе Грибоедова, хотя и не признанной его петербургским начальством (см.: [Попова 1929: 14-16, 31-32]). Нечкина, отталкиваясь от тех же биографических фактов, конструирует сюжет о моральном поражении. В рамках ее интерпретации особую значимость приобретает то обстоятельство, что по прибытии пленных и дезертиров в Тифлис власти отказались выполнить данное им обещание о прощении. Из переписки Грибоедова следует, что такое завершение похода стало для него тяжелым ударом: «... перед 80-ью из них я все же буду виноват. Это очень горько, после стольких забот, стольких неприятностей, вынесенных ради единственной мысли, что это послужит их общему счастью... и вот я оказался дураком и обманщиком!» [Грибоедов: III, 40]. Попова предполагает, что суровый прием, оказанный отряду, был недоразумением, которое впоследствии разрешилось (см.: [Попова 1929: 14-15]; [Попова 1964: 25]). Нечкина придерживается другой версии и останавливает

повествование на событиях, под впечатлением которых было написано процитированное выше письмо (см.: [Нечкина: 335]). Отраженные в нем переживания получают статус не временной, промежуточной, а финальной реакции Грибоедова на последствия предпринятой им акции. Во-первых, он чувствует вину перед людьми, которых невольно обманул, потому что теперь понимает, что на родине их ожидает более тяжелая жизнь, чем та, от которой он уговорил их бежать. Во-вторых, судьба вернувшихся солдат вызывает у Грибоедова мысли о несправедливости общественного устройства, недовольство государственной системой, по вине которой все, что он перенес, чтобы помочь своим соотечественникам, все усилия, которые он приложил, лишились смысла.

Рассматривая вывод пленных из Персии как неудавшуюся попытку помощи, Нечкина делает этот эпизод частью истории отношений Грибоедова с русским народом, стержневыми элементами которой в монографии являются сочувствие к людям из народа и несогласие с тем положением, которое им отводится: «Из всего только что приведенного материала можно с основанием вывести, что Грибоедов много думал над вопросом о положении народа, наблюдал его представителей, чрезвычайно его интересовавших, видел в солдате живого русского человека, глубоко размышлял над его судьбой и сталкивался с безысходными противоречиями в его положении» [Нечкина: 335]. За время совместного путешествия Грибоедов многое узнал о жизни солдат, о тяжелых условиях, толкающих людей на дезертирство. Не соответствующие его ожиданиям результаты акции дали ему возможность на практике убедиться в бесправии простых людей, ощутить их беспомощность. По мнению исследовательницы, полученный опыт отразился на общественно-политических взглядах писателя и его творчестве, в частности, с ним связано появление образа «умного, бодрого» народа в комедии «Горе от ума» (см.: [Нечкина: 335]).

В библиографии, составленной Н.А. Спицыной для пособия «Грибоедов в школе» [Спицына: 121-123], монография М.В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» – единственная биографическая работа, включающая эпизод вывода русских пленных из Персии. Спицына берет за основу интерпретацию эпизода, предложенную Нечкиной, и трансформирует ее, подстраивая под свою концепцию жизни и творчества Грибоедова. Проанализировав изменения, которые она вносит, мы сможем выделить особенности этой концепции.

В учебнике под редакцией Громова, вышедшем в 1971 г., Спицына рассказывает о выводе солдат из Персии следующим образом: «Молодой дипломат проявил способности и настойчивость в выполнении служебных поручений. Так, несмотря на сопротивление персов, он добился вывода из Персии в Грузию большой группы русских пленных солдат (155 человек). "Голову мою положу за несчастных соотечественников", - писал он в своих путевых заметках» [Громов 1971: 71]. Как и в монографии Нечкиной, в учебнике нет информации о том, что возвращенные солдаты служили в персидской армии, и поступок Грибоедова объясняется заботой о благе людей, а не о репутации страны. Т.к. помощь оказана русским подданным, патриотическая мотивация тоже присутствует, но лишь в дополнение к гуманистической. В пособии для учителей Спицына прямо указывает, что Грибоедов участвовал в акции, «воодушевленный горячим желанием помочь соотечественникам» [Спицына: 17]. В учебнике она ограничивается цитатой из путевых заметок, к которой в том же ключе обращалась и Нечкина. Помещенная сразу после краткого описания события, фраза Грибоедова свидетельствует, что в основе его действий лежало сочувствие к пленным (выраженное определением «несчастные») и готовность отстаивать их интересы («голову мою положу»).

Спицына следует за Нечкиной, обозначая причины, по которым Грибоедов организует вывод пленных, но существенно расходится с ней в оценке проведенной акции. Как мы писали выше, для Нечкиной смысл эпизода заключался в том, что, сумев преодолеть сопротивление персов, Грибоедов в итоге проиграл собственному государству. Вернувшимся солдатам невозможно помочь, потому что несправедливое отношение к людям из народа, тяжелые условия, в которых они вынуждены существовать, заложены в устройстве российского общества. Спицына вырывает эпизод из созданного Нечкиной контекста взаимодействия Грибоедова с народом. Во-первых, используя формулировку «добился вывода», она утверждает, что возвращение пленных было заслугой Грибоедова, не раскрывая при этом, что он лично участвовал в переходе, продолжительное время находился среди солдат, общался с ними. Во-вторых, автор учебника вообще не рассказывает о том, что произошло с отрядом в России, о нарушенном властями обещании и переживаниях Грибоедова; называет всех выведенных из Персии солдат «пленными», не уточняя, что среди них были дезертиры. Таким образом, эпизод лишается всех точек выхода к проблеме угнетения русского народа.

Спицына обрезает не только финал, но и первый этап дипломатической акции, который состоял в том, что Грибоедов убедил солдат, давно обосновавшихся в Персии и уже привыкших к новой жизни, в том числе и дезертиров, самостоятельно решивших покинуть родину, что им необходимо вернуться. Корректировки, которые она вносит, преобразуют вывод русских солдат из Персии в историю счастливого спасения. Ситуация максимально упрощается, участникам отводятся четкие роли жертвы, героя и антагониста. Русские подданные находятся в плену, т.е. их насильно удерживают на чужой территории; Грибоедов с опасностью для жизни противостоит враждебно настроенным персам и добивается освобождения своих соотечественников.

Мы считаем, что Спицына лишает эпизод общественно-политической нагрузки, чтобы увеличить его воспитательный потенциал. В рамках морально-нравственной биографической модели, которую она предлагает в пособии для учителей и в учебнике, важно не то, какое влияние вывод русских солдат из Персии оказал на взгляды Грибоедова, а то, о каких внутренних качествах свидетельствуют предпринятые им действия; события биографии рассматриваются здесь не как факторы, формирующие личность, а как возможности для личности проявить себя. Спицына переносит акцент с впечатлений, которые дипломат получил, участвуя в акции, и переживаний, вызванных ее неожиданным исходом, на внутренние качества Грибоедова, благодаря которым он смог совершить героический поступок.

Несмотря на ограниченный объем учебника, автор включает в повествование одну деталь, которой не было в монографии Нечкиной «Грибоедов и декабристы», хотя в целом эпизод там описан гораздо подробнее, – точное количество выведенных в ходе акции солдат. Из служебной переписки Грибоедова известно, что вместе с ним из Табриза вышло 158 человек и 155 из них он привел в Тифлис (см.: [Грибоедов: III, 35]). Спицына не упоминает о потерях и использует последнюю цифру в сочетании с характеристикой, оценивающей отряд по количественному параметру: «большой группы русских пленных солдат (155 человек)». Число спасенных является важным элементом сюжета о геройском подвиге, одним из критериев, определяющих его значимость.

Итак, Спицына использует эпизод вывода русских солдат из Персии, чтобы изобразить Грибоедова как героя, вызвать восхищение его поступком. Одновременно учебник указывает читателям все качества, которые они должны

развить в себе, чтобы стать такими же. Способности к дипломатии (одно из направлений разносторонней одаренности писателя) и настойчивость прямо названы в тексте. Цитируя путевые записки, Спицына уточняет, что противодействие персам было не только трудным, но и опасным для жизни делом; слова Грибоедова подчеркивают его смелость и самоотверженность. Т.к., по версии, предложенной в учебнике, акция направлена исключительно на помощь попавшим в беду соотечественникам, добавим к списку гуманность и патриотизм.

Автор учебника показывает, что Грибоедов не только писал о «необходимых качествах настоящего человека» в комедии «Горе от ума»: «Образ же нестигаемого борца Чацкого с неувядающей силой говорит нам о любви к родине, о высокой идейности и убежденности, о непримиримости ко всему низкому, о честности и гуманности...» [Громов 1971: 92]. Как и созданный им положительный персонаж, он всегда вел себя в соответствии с высокими моральными принципами, даже в тех случаях, когда такой образ действий был сопряжен с трудностями и риском. Из доступных материалов о жизни писателя Спицына отбирает для учебника наиболее сильные с воспитательной точки зрения эпизоды, в которых правильное поведение Грибоедова можно представить как героическое. Помимо вывода русских солдат из Персии, под эту категорию подпадает еще один эпизод, ранее не встречавшийся в советских стабильных учебниках по литературе, – попытки Грибоедова помочь сосланным декабристам.

В отличие от предыдущего рассмотренного нами эпизода активная поддержка, которую Грибоедов оказывал декабристам после восстания, упоминается во всех авторитетных биографиях писателя, относящихся ко времени работы Спицыной над пособием для учителей и учебником (см.: [Нечкина: 521-529]; [Орлов: 30-31, 167]; [Петров 1945: 75]; [Петров 1952: 583]). Исследователи М.В. Нечкина, В.Н. Орлов, С.М. Петров интерпретируют этот эпизод в одном ключе, отмечая, что, заступаясь за осужденных друзей и знакомых, Грибоедов ставил под сомнение собственную лояльность, т.к. власть не одобряла открытого сочувствия декабристам; честная и смелая позиция, которую занимал дипломат, стала одной из причин его назначения в Персию. Вот, например, как пишет об этом Орлов: «Он... не скрывал своего сочувствия к жертвам царевой расправы, смело ходатайствуя за них перед самим Николаем... Вся сумма данных, которыми мы располагаем о Грибоедове в период его жизни после 14 декабря, неопровержимо свидетельствует о том, что дипломатическая служба его в Персии рассматривалась

в правительственных сферах как наиболее удобный способ упрятать подальше политически неблагонадежного человека» [Орлов: 167]. Кульминационной точкой эпизода биографы считают просьбу, обращенную лично к императору во время аудиенции, посвященной успешному заключению Туркманчайского мирного договора: «Могли ли хлопоты и заботы о тех, чьи имена вслух и называть-то запрещалось, повредить Грибоедову в его карьере? Конечно, могли... Грибоедов осмелился лично просить императора за сосланных. Грибоедов сам был на подозрении и свое пребывание на Востоке после смелого обращения к императору называет "политической ссылкой"» [Нечкина: 521].

Спицына впервые включает в школьную биографию Грибоедова историю его взаимоотношений с декабристами после того, как писателя отпустили из-под ареста, официально сняв подозрения о его принадлежности к заговору: «Николай I... опасаясь писателя, как близкого к декабристам человека, отправил его опять в Персию... Писателя угнетала мысль о страданиях друзей-декабристов, и он предпринял ряд попыток помочь им: обратился к царю с просьбой о смягчении их участи, собирал деньги для сосланных в Сибирь, хлопотал за А. Одоевского, с которым был особенно близок, старался облегчить положение сосланных на Кавказ. Декабрист Петр Бестужев писал в своих воспоминаниях: "Невзирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружились вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин"» [Громов 1971: 73-74]. Интерпретируя эпизод, Спицына придерживается общей модели, заданной в научной литературе, а не создает собственную, как это было в случае с выводом русских солдат из Персии. Необходимости в изменениях не возникает, потому что подход, предложенный в работах Нечкиной, Орлова и Петрова, отлично вписывается в морально-нравственную концепцию учебника.

Перед нами очередной пример героического поведения. Грибоедов жертвует своими интересами ради друзей, нуждающихся в помощи. Спицына не просто констатирует, что писатель пытался помочь декабристам, но долго (по меркам учебника) перечисляет конкретные действия, которые он предпринимал. Выбранная форма изложения передает настойчивость, с которой Грибоедов шел по намеченному пути. Цитируя воспоминания П. Бестужева, Спицына, по сути, не добавляет к сказанному новой информации, читателям уже известно о просьбе

Грибоедова и негативной реакции, которую она вызвала. Функция цитаты заключается в том, чтобы создать яркий, наглядный образ смелого и самоотверженного человека, который, преследуя высокую цель, бросил вызов самому императору.

В этом параграфе мы выделили идею, которую Н.А. Спицына положила в основу своей модели биографии А.С. Грибоедова. Она изображает человека, который, как и персонаж его комедии Чацкий, всегда смело и самоотверженно следовал своим принципам; писателя и дипломата, наделенного высокими моральными качествами, которые определяют его поведение в сложных жизненных ситуациях и отражаются в его творчестве. Руководствуясь этой идеей, Спицына отбирает для учебника подходящие биографические эпизоды и либо использует существующие в научной литературе интерпретации, вписывающиеся в ее концепцию, либо создает собственные, представляя действия Грибоедова в героическом свете.

Как и автор первого послевоенного учебника для 8 класса С.М. Флоринский, Спицына упрощает, схематизирует образ Грибоедова, создает идеальный пример для подражания, которому должны следовать советские школьники. Основное отличие от модели Флоринского состоит в том, что Спицына расширяет зону «правильных» ценностей, смещает акцент с патриотизма на высокие моральные качества в целом.

Глава II. А.С. Грибоедов в современных российских учебниках по литературе

1. Федеральный перечень учебников: от многообразия к ограничению вариативности

Советская система стабильных учебников, закрепляющая за каждым годом обучения школьному предмету один обязательный учебник, просуществовала до начала 1990-х гг. Закон «Об образовании», принятый в 1992 г., предоставил учителям право самостоятельно выбирать методики и средства обучения, использовать разные учебники. Е.Н. Пенская в своей статье «Школьные учебники по литературе в контексте трансформации рынка образовательного книгоиздания» называет это решение правительства революционным: оно обеспечило условия для создания вариативных учебников, стимулировало бурное развитие учебного книгоиздания (см.: [Пенская: 259]). Закон 1992 г. отражал новый курс государственной политики в области образования. В числе ее основных принципов утверждаются свобода и плюрализм (см.: пункт 5 статьи 2 [Закон 1992]), пришедшие на смену советской регламентации и унификации.

Среди множества идей, повлиявших на развитие образовательной системы в постсоветском пространстве, важное место занимает концепция вариативного образования, нацеленного на то, чтобы помочь человеку ориентироваться в ситуации изменчивости, идеологической неопределенности и расширенной свободы индивидуального выбора, т.е. такого образования, которое бы учитывало особенности современного состояния российского общества (см.: [Асмолов 1996: 600-605]). Главным идеологом этой концепции был заместитель министра образования (с 1992 по 1998 гг.) А.Г. Асмолов. Ему же принадлежала идея создания Федерального перечня учебников (см.: [Асмолов 2018]). Асмолов поддерживал рост количества вариативных учебников, считая его одним из показателей совершающегося перехода к парадигме вариативного образования (см.: [Асмолов 1996: 610]). Чтобы учителя, ученики и их родители могли полноценно выбирать учебники, им необходимо было знать обо всех возможностях, имеющихся в их распоряжении. Федеральный перечень задумывался как инструмент для решения этой задачи: он должен был своевременно снабжать участников образовательного процесса информацией о новых учебниках.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. отношение к вариативным учебникам меняется. Федеральная программа развития образования, утвержденная в марте 2000 г., включает «не регулируемое государством увеличение выпуска вариативных учебников» в перечень актуальных проблем образования (см.: подраздел 2 раздела I [ФЗ 2000]). Авторы программы указывают на два недостатка рыночной конкуренции в сфере учебного книгоиздания. Во-первых, количество вариативных учебников по разным предметам распределяется неравномерно. Расширение выбора учебников по одним предметам рассматривается как препятствие для появления первых, необходимых учебников по другим предметам. Во-вторых, проводится связь между количеством вариативных учебников и их качеством. Непрерывное пополнение списка учебников объясняется низкими стандартами, которые издательства предъявляют к новым учебникам.

Официальная позиция по поводу вариативных учебников, транслируемая через документы Министерства образования и учебно-методические издания, усложняется. Возможность выбора учебника по-прежнему считают одним из достижений современной системы образования. Но стремление обеспечить школу разнообразными учебниками, рожденное на волне отказа от советских стабильных учебников, уступает место уверенности в том, что разнообразие может быть «мнимым», избыточным, приносить вред вместо ожидаемой пользы (см., напр.: [Учебная книга: 61]; [Растимешин]; [Осетрова и др.: 46-48]). Поэтому принимается решение сократить существующее количество вариативных учебников и в дальнейшем строго контролировать его рост.

Чтобы ограничить предоставляемый учителю выбор учебников, государство использовало Федеральный перечень учебной литературы, изначально созданный с противоположной целью – как источник информации, носящей, по сути, рекомендательный характер. К октябрю 2001 г. для Федерального перечня разрабатывают новую концептуальную основу (см.: [Письмо: 8]), в декабре выходит Положение о Перечне учебных изданий, которое закрепляет предложенные преобразования. Оно называет четкие критерии, по которым учебник может быть включен в Перечень; организациями, ответственными за отбор, назначаются Федеральный экспертный совет и Министерство образования (см.: пункты 3.1-3.5 приложения 1 [Приказ 2001]).

Перечень учебных изданий наделяют статусом нормативного документа, необходимым для выполнения возложенной на него ограничительной функции.

Начиная с 2002/2003 уч.г. преподавание в школах разрешено вести только по учебникам, входящим в Перечень. В Закон «Об образовании» вносят соответствующие поправки (см.: подпункт 18 статьи 28 и подпункт 23 пункта 2 статьи 32 [Закон 1992]), которые в 2012 г. переходят в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», действующий до сих пор (см.: пункты 4-7 статьи 18 [ФЗ 2012]). Таким образом, государство вновь лишает учителей права самостоятельно выбирать учебники, подменяя его мнимой свободой выбора в строго очерченных рамках одобренного списка.

Установка на сокращение количества вариативных учебников сохраняется в последующие годы и, на наш взгляд, является одним из факторов, определяющих изменения, которые вносились в Порядок формирования Федерального перечня. Среди этих изменений просматриваются две тенденции: растет число экспертиз, которые учебник должен пройти, и увеличивается период между обновлениями Перечня.

Оценка учебников долгое время производилась по двум параметрам – научному и педагогическому (см.: пункт 4, 14 приложения [Приказ 2005]; пункт 3 приложения [Приказ 2010]). В 2013 г. была добавлена общественная экспертиза и для ряда учебников этнокультурная и региональная (см.: пункты 3, 7-8, 17 приложения [Приказ 2013]). В 2016 г. Научно-методический совет по учебникам Министерства образования и науки (орган, занявший место Федерального экспертного совета) получил возможность направить учебник, претендующий на включение в Федеральный перечень, на дополнительную или повторную экспертизу (см.: пункты 12, 22 приложения [Приказ 2016]). Путь, который новые учебники вынуждены были преодолеть, чтобы попасть в школу, постепенно удлинялся.

Федеральный перечень изначально пересматривали ежегодно (см.: пункт 3.5 приложения 1 [Приказ 2001]). Это значило, что новый учебник, прошедший все экспертизы, появлялся в Перечне уже на следующий учебный год. В 2014 г. период действия Перечня был продлен до трех лет (см.: пункт 18.1 приложения [Приказ 2013]), в 2016 г. – до пяти лет (см.: пункт 19 приложения [Приказ 2016]). В течение этого времени Министерство образования и науки не принимало заявок на включение учебников в Федеральный перечень, тем самым закрывая новым учебникам доступ к образовательному процессу.

Описанные выше изменения, внесенные в Порядок формирования Федерального перечня с 2013 по 2016 гг., привели к существенному сокращению количества вариативных учебников. Перечень 2013/2014 уч.г. содержал 2980 номинаций, но, в связи с переходом на обучение по Федеральным Государственным образовательным стандартам, многие учебники упоминались в нем дважды в разных разделах (см. подробнее: [Леонтьева]). В перечень, утвержденный на 2014/2015 уч.г., вошло 1372 учебника. Дублирование устранили, поэтому сложно сказать, насколько уменьшилось реальное число учебников. Однако количество вариативных учебников по литературе для 9 класса, интересующих нас в данном исследовании, сократилось примерно в 2 раза: с 16 до 7 (см.: [ФПУ 2013/2014]; [ФПУ 2014/2015]). Следующие пять учебных лет Федеральный перечень официально не обновлялся, хотя и подвергался периодическим незначительным корректировкам (см. подробнее: [Библиодосье: 25]). В январе 2018 г. Научно-методический совет Министерства образования и науки отправил все учебники, предложенные для включения в новый Перечень, на дополнительную экспертизу. По ее результатам из 1800 заявленных учебников использовать в школе разрешили только 863 (см.: [Егорова]; [Итоги экспертизы]). Несмотря на то что Федеральный перечень 2019/2020 уч.г. должны были пополнить новые учебники, созданные за последние пять лет, по сравнению с предшествующим Перечнем он не увеличился, а, наоборот, стал короче примерно в 1,5 раза. Количество рекомендованных учебников по литературе для 9 класса уменьшилось с 7 до 5. Из этих пяти учебников четыре уже входили в Перечень ранее (см.: [ФПУ]; [ФПУ 2014/2015]).

Принимая меры, которые, как мы показали, ограничивали количество вариативных учебников, замедляли процесс их обновления, Министерство образования объясняло свои действия стремлением повысить качество рекомендованных учебников. В 2014 г. заместитель министра образования Н.В. Третьяк, характеризуя Перечень учебников, содержащий около 3 тысяч наименований, использовала понятие «псевдовариативность». Сокращение Перечня, по ее словам, явилось следствием исключения из него некачественных учебников (см.: [Никольская]). В 2018 г. заместитель министра образования и науки С.С. Кравцов отметил, что учебников стало меньше из-за усиления контроля за их качеством, но «переполненность» по-прежнему остается главной проблемой действующего Федерального перечня (см.: [Егорова]).

Распространяемая работниками Министерства идея о том, что сокращение коснулось лишь тех учебников, которые не соответствовали высоким требованиям, предъявляемым к их качеству, не подтверждается фактами. Обратим внимание на официальные причины, по которым учебники теряли свое место в Перечне. Например, согласно протоколу заседания Научно-методического совета от 28 февраля 2014 г. (см.: [Протокол]), все учебники издательств «БАЛАСС» и «Мнемозина» (среди них два учебника по литературе для 9 класса) не попали в обновленный Перечень, т.к. документы на них поступили на несколько дней позже назначенного срока; сорок три учебника не прошли отбор, потому что издательства предоставили нотариально заверенные копии экспертных заключений вместо оригиналов и т.д. (см. подробнее: [Якорева 2014]). Многие учебники не получили рекомендации Министерства образования и исчезли из Федерального перечня по причинам, не имеющим никакого отношения к качеству этих учебников.

Связка «сокращение количества – улучшение качества», к которой обращается Министерство образования, особенно активно используя ее с 2013 г., ранее уже применялась по отношению к учебному книгоизданию в 1930-х гг. Тогда она служила одним из аргументов для введения стабильных учебников. Возвращая эту связку в дискуссию о школьных учебниках, государство поддерживает тенденцию к монополизации учебного книгоиздания. Только если в советское время монополизация была необходима, чтобы облегчить задачу идеологического контроля за образованием, то сейчас, на новом витке, в основе монополизации рынка школьных учебников лежат экономические причины (см. подробнее: [Андреев]; [Якорева 2019]).

Действующий Федеральный перечень учебников был утвержден 28 декабря 2018 г. В данной работе нас интересуют вошедшие в него учебники по литературе для 9 класса, т.к. после перехода на одиннадцатилетнюю систему обучения именно на этом этапе в школе изучаются жизнь и творчество А.С. Грибоедова. Таких учебников пять. Ниже мы приводим их данные: имена авторов, год первого издания, год вхождения в Федеральный перечень учебников (ФПУ), название издательства, выпускающего учебник.

- В.Я. Коровина, И.С. Збарский, Т.Ф. Курдюмова (до 2000 г.), В.И. Коровин (с 2000 г.), В.П. Журавлев (с 2006 г.); под редакцией В.Я. Коровиной, 1996 г., ФПУ 1998/1999 уч.г., «Просвещение».

- С.А. Зинин, В.И. Сахаров, В.А. Чалмаев, 2006 г., ФПУ 2006/2007 уч.г., «Русское слово».
- В.Ф. Чертов, Л.А. Трубина, А.М. Антипова, А.А. Манькина; под редакцией В.Ф. Чертова, 2012 г., ФПУ 2012/2013 уч.г., «Просвещение».
- И.Н. Сухих, 2012 г., ФПУ 2013/2014 уч.г., «Академия».
- А.В. Гулин, А.Н. Романова, А.В. Федоров, 2014 г., ФПУ 2019/2020 уч.г., «Русское слово».

Объем настоящей работы не позволил нам рассмотреть все книги из этого списка, поэтому мы решили остановиться на учебнике под редакцией В.Я. Коровиной.

Учебник под редакцией В.Я. Коровиной – самый старый из учебников, оставленных в действующем Федеральном перечне [ФПУ]. Изучив библиотечные каталоги, мы выяснили, что он переиздавался каждый год на протяжении последних 23 лет. Этот учебник регулярно входил в федеральные перечни как минимум с 1998/1999 уч.г. (см.: [ФПУ 1998/1999]), более ранних перечней нам найти не удалось. По данным о тиражах, указанным в электронном каталоге Российской государственной библиотеки, за последние пять лет (2015-2019 гг.) «Просвещение» выпустило 72 тысячи 600 экземпляров учебника для 9 класса под редакцией В.Я. Коровиной. Для сравнения за это же время в издательстве «Академия» вышло только 15 тысяч 200 экземпляров учебника для 9 класса И.Н. Сухих. Принимая во внимание количество изданий и большие тиражи, можно предположить, что в современных российских школах на уроках литературы в 9 классе чаще всего используется именно учебник под редакцией В.Я. Коровиной.

2. Учебник под редакцией В.Я. Коровиной (издания 2006-2019 гг.)

2.1. Авторы учебника, история его создания и переработок

В 1992 г. обязательное образование сократилось с десяти до девяти классов (см.: пункт 3 статьи 19 [Закон 1992]). В результате изменился подход к преподаванию литературы в 9 классе, который теперь мог стать для учащихся завершающим. Привычный линейный курс, охватывающий только литературу первой половины XIX века, уступил место концентрическому: девятиклассники должны были в сжатые сроки пройти весь путь школьного изучения литературы, начиная с древнерусской и заканчивая литературой второй половины XX века. Проекты концентрического курса для 9 класса впервые появились в программе 1994 г.; к 1997 г. линейное построение уходит на периферию, в приложение к программе, как устаревший, но временно возможный вариант (см.: [Беляева 2002]).

Смена содержания и структуры литературного курса 9 класса привела к созданию новых учебников. Первым из них стала учебная хрестоматия 1996 г., написанная Тамарой Федоровной Курдюмовой, Верой Яновной Коровиной и Исааком Семеновичем Збарским [Коровина 1996]. Авторы этого учебника – доктора педагогических наук, сотрудники сектора обучения литературе НИИ школ при Министерстве просвещения РФ, члены одной научно-методической школы, которую возглавляла Т.Ф. Курдюмова (см.: [Беньковская: 253-254]; [МПЛ: 130, 377, 379]). На тот момент они тесно сотрудничали уже более 25 лет. Свой первый учебник Курдюмова, Коровина и Збарский вместе с коллегами из сектора обучения литературе НИИ школ выпустили в 1970 г. [Курдюмова и др.]. Это был учебник для 6 класса, переиздававшийся до 1991 г. Следующая совместная работа – методическое руководство к учебнику-хрестоматии для 4 класса [Збарский и др.]. В начале 1980-х гг. они подготовили несколько книг для внеклассного чтения [Коровина и др. 1982]; [Коровина и др. 1983]; [Коровина и др. 1984]. В 1991 г. авторский коллектив под руководством Т.Ф. Курдюмовой, в который вошли В.Я. Коровина и И.С. Збарский, составил первую постсоветскую программу по литературе [Программа].

В 2000 г. объединение ученых-методистов, существовавшее на базе сектора обучения литературе НИИ школ, распалось. Т.Ф. Курдюмова перешла в издательство «Дрофа», В.Я. Коровина, И.С. Збарский и другие продолжили

сотрудничество с «Просвещением». Две группы авторов, одну из которых возглавила Курдюмова, а другую - Коровина, предложили свои варианты примерной программы по литературе и приступили к созданию двух различных линеек учебников (см. подробнее: [Беляева 2001]).

Курдюмова и ее соавторы разработали для 9 класса новый учебник, Коровина и Збарский модифицировали хрестоматию 1996 г. [Коровина 2000]. К себе в помощь они привлекли мужа Коровиной, доктора филологических наук, заведующего кафедрой русской литературы Московского государственного педагогического института (сейчас МПГУ) Валентина Ивановича Коровина. Как и у других членов авторского коллектива, у него был опыт работы над советскими учебниками. С 1976 г. В.И. Коровин, сменив К.П. Лахостского, стал автором главы о Пушкине в последнем советском стабильном учебнике по литературе для 9 класса [Громов 1976].

По мнению исследовательницы Т.Е. Беньковской, в 1990-х – начале 2000-х гг. усиливается интерес литературоведов к школе. Они активно обсуждают с методистами и учителями-словесниками проблемы литературного образования, участвуют в создании программ, учебников, справочных пособий и т.д. (см.: [Беньковская: 134-135]). Учебник под редакцией В.Я. Коровиной является одним из примеров взаимодействия методистов и литературоведов, совмещения научного и методического подходов к преподаванию литературы в школе.

В марте 2004 г. Министерство утвердило федеральный компонент государственного стандарта общего образования. К перечню критериев, по которым проводилась экспертиза учебников, добавился новый параметр - соответствие федеральному компоненту (см.: [Приложение к приказу: 156]). Учебник под редакцией Коровиной подвергся серьезной переработке и успешно прошел экспертизу в 2005 г.

В переработанном издании учебника, вышедшем в 2006 г. [Коровина 2006], среди прочего изменился автор главы о Грибоедове. Изначально им был Исаак Семенович Збарский, методист, почти 20 лет проработавший учителем (см.: [МПЛ: 130]). В 2004 г. Збарский скончался. Приводя учебник в соответствие требованиям федерального компонента, Вера Яновна Коровина, Валентин Иванович Коровин и новый член их авторского коллектива, профессор МПГУ Виктор Петрович Журавлев распределили главы Збарского между собой и либо внесли необходимые правки и дополнения, либо полностью их переписали.

Подготовку главы о Грибоедове взял на себя Коровин. Ему не пришлось начинать работу с чистого листа. В 2001 г. Коровин выпустил серию школьных учебных пособий о жизни и творчестве писателей XIX века, в том числе и А.С. Грибоедова [Коровин]. Он взял за основу текст своего пособия, сократил его и превратил в рассказ о Грибоедове для учебника. Валентин Иванович Коровин – известный литературовед, долгое время преподавал в Хельсинкском и Иллинойском университетах, автор 12 фундаментальных монографий (см.: [МПУ]). Таким образом, точка зрения учителя и методиста, с которой материал о Грибоедове был представлен до 2006 г., сменилась в учебнике точкой зрения ученого.

В последующих изданиях учебника, вплоть до издания 2019 г. [Коровина 2019], глава о Грибоедове не подвергалась существенным изменениям.

2.2. Антиреволюционная модель биографии А.С. Грибоедова: преодоление «мечтательства» и сотрудничество с государством

Освобождение учебников по литературе от советской идеологии в первую очередь отразилось на осмыслении отношений между Грибоедовым и государством.

В основе всех советских биографий писателя лежал конфликт между Грибоедовым и самодержавно-крепостническим строем. Разные биографические модели, представленные в стабильных учебниках, объединяет активная вовлеченность Грибоедова в социально-политический процесс, выражающаяся в близости к декабристам и резкой критике государственного и общественного устройства. Чтобы показать, что негативное отношение к крепостному праву и другим проявлениям социальной несправедливости составляло важную часть личности Грибоедова, авторы учебников используют внутреннюю точку зрения, прямо сообщая о мыслях и чувствах писателя, насыщают повествование эмоционально-окрашенной лексикой. Приведем несколько примеров: «В чем же конкретно сказалось "обновление" Грибоедова? В отходе от светской жизни, в разоблачении общественной фальши феодально-крепостнических отношений, в утверждении необходимости их перестройки» [Абрамович, Головенченко: 75]; «Грибоедова особенно возмущали злоупотребления крепостным правом» [Поспелов, Шаблиовский: 222]; «Наступил период реакции после разгрома декабристского движения. Душевное состояние писателя было подавленным. Жизнь среди людей, поддерживавших дух николаевского времени, была ему тяжка» [Громов 1971: 74].

Комедия «Горе от ума» воспринималась как наивысшее достижение Грибоедова на пути противодействия самодержавию и крепостному праву: «Своей комедией Грибоедов возбуждал ненависть и презрение к людям фамусовского общества, клеймил добровольное холопство, молчалинство во всех его видах» [Флоринский 1954: 133]. Борьба со злом, угрожающим общественному благополучию, связывала Грибоедова с советскими читателями, делала его творчество актуальным: «Гневное, непримиримое отношение Грибоедова к косности, несправедливости, подлости, лицемерию понятно нам, советским людям. Великий создатель «Горя от ума» - наш союзник в борьбе со всем отживающим,

отсталым, что встречается еще подчас в нашей жизни как пережиток прошлого» [Громов 1971: 91-92].

В современном учебнике под редакцией В.Я. Коровиной отношения между Грибоедовым и самодержавно-крепостнической Россией описаны с принципиально иной точки зрения. Общественно-политические взгляды писателя излагаются без обязательного для советских учебников указания на негативные эмоции, вызываемые у Грибоедова существующим порядком. Его несогласие с отдельными нормами общественной жизни выражается не в осуждении настоящего, а в проектировании будущего: «Грибоедов разделял многие декабристские идеалы: он стоял за личную и политическую независимость, желал отмены крепостного права, устранения государственного бюрократизма, считал, что России нельзя терять национального своеобразия и самобытности» [Коровина 2006: 145]. Советский образ борца, восстающего против общественной несправедливости, меняется на образ мечтателя, стремящегося к воплощению своих идеалов.

Авторы советских учебников использовали сюжет обличения пороков окружающей действительности как связующее звено между Грибоедовым и Чацким (Ср. «Гневное, непримиримое отношение Грибоедова к косности, несправедливости, подлости, лицемерию...» – «Образ же Чацкого... говорит нам... о непримиримости ко всему низкому и косному, о честности и гуманности...» [Громов 1978: 80]). Не отказываясь от параллели между автором комедии и ее персонажем, В.И. Коровин проводит ее в соответствии со своим сюжетом о Грибоедове-мечтателе: «... Альцест видит идеальное общество в прошлом, Чацкий – в будущем» [Коровина 2006: 148]; «... Автор «Горя от ума», так же как его герой, переживал драматический разлад между мечтательностью и скептицизмом...» [Коровина 2006: 157].

Заметим, что Коровин не останавливается на том, что вырезает из традиционной школьной биографии Грибоедова упоминания о критике государственного строя. Если Чацкий мечтает об «идеальном обществе», логично предположить, что под «разладом между мечтательностью и скептицизмом» у Грибоедова автор имеет в виду противоречие между его увлеченностью идеями декабристов и уверенностью в том, что предлагаемые ими реформы невозможно осуществить: «... Соглашаясь с декабристами в необходимости изменений, Грибоедов испытывал **глубокий скептицизм** по поводу их успеха. Он полагал, что

силы самодержавия превосходят силы просвещенных дворян и что само общество не готово к переменам, которые будут по этой причине ему враждебны» (выделение наше, [Коровина 2006: 145]). В советских учебниках идеи декабристов неизменно представляли возвышенными и прогрессивными, Коровин называет их «мечтательством» - пустыми, бесполезными фантазиями, этапом на пути взросления Грибоедова: «... Избавление от мечтательства и преодоление его - это душевный путь не только Чацкого, но и создателя его образа» [Коровина 2006: 157]. Выделенную нами смысловую связку «идеи декабристов – незрелость, легкомысленность» автор современного учебника воплощает в образе вольнолюбия. С одной стороны, этот образ отсылает читателей к размышлениям декабристов об идеальном устройстве общества и государства: «Его комедия "Горе от ума" родилась в гуще вольнолюбивых разговоров с декабристами» [Коровина 2006: 145]. С другой стороны, образ вольнолюбия в тексте учебника связан с образом легкомысленного, пустого, незрелого времяпрепровождения: «В кругу петербургской молодежи он упивается духом вольнолюбия, появляется на веселых пирушках» [Коровина 2006: 143].

Точка зрения, которую выбирает В.И. Коровин, рассказывая о социально-политической позиции Грибоедова, направлена на то, чтобы сгладить конфликт между писателем и государством. В том же ключе автор учебника интерпретирует и другие биографические эпизоды, например, назначения в Персию в 1818 и 1828 гг.

Послевоенные советские учебники по литературе рассматривали все случаи дипломатической службы Грибоедова в Персии как вынужденное подчинение приказу, исходящему от представителей государства. Назначение либо прямо называлось ссылкой (см.: [Громов 1971: 74]), наказанием (см.: [Флоринский 1954: 115]), либо авторы указывали, что пребывание в Персии вызывало у Грибоедова негативные эмоции (см.: [Флоринский 1954: 117]; [Громов 1971: 71]). Таким образом, поездки в Персию вписывались в общую картину напряженных, враждебных отношений между Грибоедовым и властью.

Обращение к советским учебникам позволяет лучше понять, в чем состоит особенность подхода Коровина к анализируемым эпизодам. Он не использует сюжет ссылки. В том варианте изложения событий, который он предлагает, нет упоминаний о давлении на Грибоедова со стороны государства, нет деталей, свидетельствующих, что служба в Персии противоречила желаниям писателя (см.:

[Коровина 2006: 143-144, 146]). Коровин полностью устраняет из рассказа о назначениях 1818 и 1828 гг. конфликт между Грибоедовым и государством.

Сравним, как последний советский стабильный учебник и современный учебник под редакцией В.Я. Коровиной описывают второе назначение Грибоедова в Персию.

«В 1828 году в местечке Туркманчай был подписан почетный и выгодный для России мирный договор с Персией, заключение которого было заслугой Грибоедова. Текст договора он вскоре повез в Петербург. Николай I наградил Грибоедова орденом, чином статского советника и деньгами, но, опасаясь писателя, как близкого к декабристам человека, отправил его опять в Персию, хотя и с повышением – в должности русского посланника. Грибоедов сам называл это назначение "политической ссылкой"» [Громов 1978: 64].

«После участия в сражениях Грибоедов сыграл видную роль в государственных делах, став одним из авторов выгодного для России Туркманчайского мира (1828). Он сформулировал несколько статей договора и отредактировал весь текст, с чем прибыл в Петербург. Николай I щедро наградил дипломата, произвел его в ранг полномочного министра-резидента России в Персии. Русское общество также встретило Грибоедова с восхищением» [Коровина 2006: 146].

Оба учебника опираются на одни и те же биографические факты: активное участие Грибоедова в заключении Туркманчайского мирного договора, официальное признание его заслуг и последующее назначение на высокий пост в Персии. Но истории, созданные на их основе, отличаются, потому что отражают разные линии взаимоотношений Грибоедова и государства.

Н.А. Спицына, написавшая биографию писателя для советского учебника, показывает, что несмотря на успехи, которых Грибоедов достигает на государственной службе, вражда между ним и императором сохраняется. За маской справедливого правителя, воздающего должное талантливому дипломату, Николай I прячет страх перед декабристами и их сторонниками («опасаясь писателя, как близкого к декабристам человека»). Повышение является прикрытием для того, чтобы удалить опасного врага подальше от столицы, и Грибоедов отлично понимает мотивы императора и истинную причину своей «политической ссылки» в Персию.

В современном учебнике заключение Туркманчайского мира и назначение полномочным министром - это не очередная глава в истории противостояния Грибоедова и государства, а часть сюжета о преодолении «мечтательства» – увлеченности идеями декабристов. От утопических планов по преобразованию самодержавно-крепостнического строя Грибоедов переходит к сотрудничеству с государством и получает возможность приносить реальную пользу своей стране. Рассказывая о заключении «выгодного для России» мирного договора с Персией, автор учебника подробно описывает, в чем именно состоял вклад, который внес в общее дело Грибоедов («сформулировал несколько статей договора и отредактировал весь текст»), – создает образ конкретной деятельности, приносящей видимый результат. В рамках истории об успешном сотрудничестве Грибоедова и власти Коровин трансформирует традиционный образ императора: избавляет его от обязательных для советских учебников отрицательных черт. Николай I ведет себя как разумный правитель: по заслугам оценивает работу, проделанную Грибоедовым, и поручает ему важную должность, на которой дипломат сможет применить свой ум и способности на благо страны.

Коровин строит биографическую модель, в которой Грибоедов не противодействует государству и не подвергается давлению с его стороны. Он находит способ приносить стране пользу, действуя не против императора, а заодно с ним. Сглаживание конфликта между Грибоедовым и государством вписывается в рамки консервативной идеологии современной России.

Несмотря на выделенные выше различия, советские стабильные учебники и современный учебник под редакцией В.Я. Коровиной схожи в двух отношениях, которые представляются нам очень важными.

– Биография, написанная Коровиным, как и советские школьные биографии Грибоедова, закрепляет правильное, с точки зрения государства, мировоззрение.

– Учитывая процесс сокращения количества вариативных учебников, запущенный и поддерживаемый Министерством образования, концепция жизни и творчества Грибоедова, созданная Коровиным, в будущем может стать единственной концепцией, которую будут предлагать на уроках литературы в российских школах.

Заключение

В данной работе мы реконструировали модели биографии А.С. Грибоедова, представленные в следующих школьных учебниках по литературе:

- первый послевоенный стабильный учебник по литературе для 8 класса, 1954-1970 гг., автор С.М. Флоринский;
- последний советский стабильный учебник по литературе для 8 класса под редакцией Н.И. Громова, 1971-1990 гг., автор главы о Грибоедове – Н.А. Спицына;
- современный учебник по литературе для 9 класса под редакцией В.Я. Коровиной, издания 2006-2019 гг., автор главы о Грибоедове – В.И. Коровин.

Мы восстановили идеологический, образовательный и научный контексты создания учебников в том объеме, который мы считаем необходимым для понимания изложенных в них концепций жизни и творчества Грибоедова. Опираясь на работы исследователей и собственный анализ, мы подробно раскрыли следующие положения.

1) Введение системы стабильных (единых) учебников, существовавшей с 1934 по 1990 гг., произошло в рамках последовательного изменения всего курса советского образования. Концепция единых учебников полностью соответствовала духу нового подхода к образованию, в рамках которого преобладающее значение получили процессы стабилизации, унификации, регламентации и идеологизации.

2) Появление стабильных учебников совпало с процессом становления особой роли литературы как одного из главных идеологических предметов советской школы. Свойства стабильных учебников по литературе определялись отведенной им функцией: они передавали единственно верный, согласующийся с актуальными идеологическими установками взгляд на каждого значимого автора и его творчество.

3) Великая Отечественная война закрепила переход государственной идеологии от классово-интернациональной к новой, национально-патриотической парадигме. Смена идеологической парадигмы привела к созданию 3-го поколения стабильных учебников по литературе, транслирующих актуальные национально-патриотические ценности.

4) Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. действующие учебники по литературе подверглись серьезной критике: их считали одной из причин сведения

уроков литературы к заучиванию готовых, идеологически выверенных схем. Стабильные учебники 4-го поколения, появившиеся только в конце 1960-х гг., призваны были поставить точку в «оттепельных» дискуссиях о школьном образовании; совместить прежние национально-патриотические ценности с «оттепельной» общечеловеческой проблематикой, чтобы усилить свой воспитательный потенциал.

5) История Федерального перечня учебников наглядно отражает изменения, которые происходили в сфере учебного книгоиздания в 1992-2019 гг. В начале 1990-х гг. государство поддерживало рост количества вариативных учебников – как одно из проявлений свободы и плюрализма, которые новая образовательная политика противопоставила советской регламентации и унификации. С начала 2000-х гг. начинает действовать официальная установка на ограничение вариативности учебников, связанная с постепенным усилением государственного контроля за образованием.

б) За 2013-2019 гг. количество учебников по литературе для 9 класса, входящих в Федеральный перечень, сократилось с 16 до 5. Судя по числу изданий и размерам тиражей, на данный момент в большинстве российских школ жизнь и творчество Грибоедова изучают по учебнику под редакцией В.Я. Коровиной.

Используя полученные знания о научном, образовательном и идеологическом контекстах, в которых создавались концепции жизни и творчества Грибоедова, мы доказали в своей работе следующие положения.

1) Решая, какие факты включить в текст учебника, а какие оставить за его пределами; выбирая для каждого эпизода одну из интерпретаций, предложенных в научной литературе, или создавая на их базе собственную, Флоринский, Спицына и Коровин встраивали идеологию в биографию Грибоедова, т.к. в значительной степени руководствовались стоящей перед ними идеологической задачей – формировать у школьников правильное мировоззрение.

2) Авторы рассмотренных нами учебников упрощают, схематизируют образ Грибоедова, чтобы сделать из писателя пример для подражания, свести сложное многообразие его поступков к модели правильного поведения.

3) Школьные биографии, которые мы изучили, отличаются не только приведенной в них информацией. Даже в тех случаях, когда фактическая основа эпизодов совпадает, авторы учебников рассказывают истории с разным сюжетом,

дающие разное представление о Грибоедове. Истории отличаются потому, что каждый автор идеализирует Грибоедова в соответствии с утвержденными государством ценностями своего времени.

4) С.М. Флоринский создал патриотическую модель биографии Грибоедова. Он рассказал историю о патриоте, действия которого мотивированы внутренней потребностью посвятить себя служению родине. Получив хорошее образование, герой осознал неправильность общественного и государственного устройства России. Декабристы подсказали ему, как внести свой вклад в борьбу с внутренними врагами страны – создать художественное произведение, способное повлиять на общественное мнение.

5) Н.А. Спицына создала морально-нравственную модель биографии Грибоедова. Она изобразила человека, который, как и персонаж его комедии Чацкий, всегда смело и самоотверженно следовал своим принципам; писателя и дипломата, наделенного высокими моральными качествами, которые определяли его поведение в сложных жизненных ситуациях и отразились в его творчестве.

6) В.И. Коровин создал антиреволюционную модель биографии Грибоедова. Молодой, легкомысленный идеалист увлекается утопическими планами декабристов по преобразованию мира к лучшему. С возрастом Грибоедов, как и созданный им персонаж Чацкий, отказывается от «мечтательства» и понимает, что единственный способ приносить реальную пользу своей стране заключается в том, чтобы сотрудничать с властью.

В своей работе мы не только подтвердили общий тезис о том, что преподавание литературы в советской школе выполняло функцию идеологического воспитания, – мы показали, как именно идеологические элементы встраивались даже в школьную биографию, как под их воздействием складывался тот образ «правильного» писателя, который в дальнейшем становился основой для его взрослого восприятия. Проведенный нами анализ учебника, входящего в действующий Федеральный перечень, показал, что современные учебники по литературе, так же как и советские, могут использоваться для формирования у школьников «правильного» взгляда на мир, одобренного государственной идеологией.

Список использованной литературы

Источники

1. Абрамович, Головенченко: *Абрамович Г.Л., Головенченко Ф.М.* Русская литература: Учебник для сред. школы. М., 1934.
2. Библиодосье: Законодательная регламентация создания, экспертизы, распространения и использования учебников при реализации основных образовательных программ общего образования: библиодосье к парламентским слушаниям, 30 марта 2018 года / Управление библиотечных фондов (Парламентская библиотека), Комитет Государственной Думы по образованию и науке. М., 2018.
3. Воспоминания 1929: А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Ред. и предисл. Н.К. Пиксанова. М., 1929.
4. Воспоминания 1980: А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступ. ст., сост. и подгот. Текста С.А. Фомичева. М., 1980.
5. Грибоедов: *Грибоедов А.С.* Полное собрание сочинений: В 3 т. / Редкол.: С.А. Фомичев (гл. ред.), А.В. Архипова, В.Э. Вацуро, А.Л. Гришунин, Н.Н. Скатов / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб., 1995-2006.
6. Громов 1971: Русская литература: Учеб. пособие для восьмого кл. сред. школы. / [Н.К. Семенова, Н.А. Спицына, К.П. Лахостский, Н.И. Громов]; Под ред. Н.И. Громова. М., 1971.
7. Громов 1976: Русская литература: Учебник для восьмого кл. сред. школы. / [Н.К. Семенова, Н.А. Спицына, В.И. Коровин, Н.И. Громов]; Под ред. Н.И. Громова. 6-е изд. М., 1976.
8. Громов 1978: Русская литература: Учебник для восьмого кл. сред. школы. / [Н.К. Семенова, Н.А. Спицына, В.И. Коровин, Н.И. Громов]; Под ред. Н.И. Громова. 8-е изд. М., 1978.
9. Закон 1958: Закон СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР.
http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm (3.02.2020)
10. Закон 1992: Закон от 10 июля 1992 г. N 3266-1 «Об образовании» // Контур.Норматив.

(3.02.2020)

11. Збарский и др.: *Збарский И.С., Коровина В.Я., Курдюмова Т.Ф.* Уроки литературы в 4 классе: Метод. руководство к учебнику-хрестоматии для 4 кл. / Сост. Т.Ф. Курдюмова, Н.И. Якушин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.
12. Коровин: *Коровин В.И.* А.С. Грибоедов в жизни и творчестве: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М., 2001.
13. Коровина и др. 1982: *Коровина В.Я., Збарский И.С., Курдюмова Т.Ф.* В мире русской литературы. Кн. для внеклас. чтения. 4 кл. / Под ред. Г.П. Веселова. М., 1982.
14. Коровина и др. 1983: *Коровина В.Я., Курдюмова Т.Ф., Збарский И.С.* В мире русской литературы. Кн. для внеклас. чтения. 5 кл. / Под ред. И.М. Косоножкина. М., 1983.
15. Коровина и др. 1984: *Коровина В.Я., Курдюмова Т.Ф., Збарский И.С.* В мире русской литературы. Кн. для внеклас. чтения. 6 кл. / Под ред. И.М. Косоножкина. М., 1984.
16. Коровина 1996: Литература. 9 класс. Учебная хрестоматия для общеобразовательных учреждений / Авт.-сост. Т.Ф. Курдюмова, В.Я. Коровина, И.С. Збарский. М., 1996.
17. Коровина 2000: Литература. 9 класс. Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений / Авт.-сост. В.Я. Коровина, И.С. Збарский, В.И. Коровин. 6-е изд., перераб. М., 2000.
18. Коровина 2006: Литература. 9 класс. Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. / Авт.-сост. В.Я. Коровина, В.И. Коровин, И.С. Збарский, В.П. Журавлев; под ред. В.Я. Коровиной. 12-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
19. Коровина 2019: Литература. 9 класс: Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 1. / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, И.С. Збарский; под ред. В.Я. Коровиной. 6-е изд. М., 2019.
20. Критика: А.С. Грибоедов в русской критике: Сборник ст. / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1958.
21. Курдюмова и др.: Родная литература. Учебник-хрестоматия для VI кл. / Науч.-исслед. ин-т школ М-ва прос. РСФСР. Сектор обучения литературе. Сост.: Курдюмова Т.Ф., Збарский И.С., Коровина В.Я. и др. М., 1970.

22. Письмо: Письмо Минобразования РФ от 13 декабря 2001 г. № 27-51-516/11 «Об особенностях формирования Перечня учебных изданий для общего среднего образования и Перечня каталога учебных изданий для общего среднего образования на 2002/2003 учебный год» // Вестник образования России. 2002. № 3.
23. Поспелов, Шаблювский: *Поспелов Н.И., Шаблювский П.В.* Русская литература: Учебник для VIII класса сред. шк. / Под общ. ред. Н.Л. Бродского. М., 1939.
24. Постановление: Постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы» // Исторические материалы. <http://istmat.info/node/58635> (3.02.2020)
25. Приказ 2001: Приказ Минобразования России от 26 декабря 2001 г. № 4244 «О введении в действие положений о Перечне учебных изданий для общеобразовательных учреждений и Перечне-каталоге учебно-методических изданий для общеобразовательных учреждений» // Вестник образования России. 2002. № 3.
26. Приказ 2005: Приказ Минобрнауки РФ от 8 апреля 2005 г. № 107 «Об экспертизе учебников» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&&nd=102097989&&page=1&rdk=1#Ю (3.02.2020)
27. Приказ 2010: Приказ Минобрнауки РФ от 23 апреля 2010 г. № 428 «Об утверждении Положения о порядке проведения экспертизы учебников» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140212&intelsearch=%CF%D0%C8%CA%C0%C7++%EE%F2+23+%E0%EF%F0%E5%EB%FF+2010+%E3.+N+428> (3.02.2020)
28. Приказ 2013: Приказ Минобрнауки РФ от 5 сентября 2013 г. № 1047 «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» // Контур.Норматив.

<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=250621>

(3.02.2020)

29. Приказ 2016: Приказ Минобрнауки РФ от 18 июля 2016 г. N 870 «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» // Контур.Норматив.

<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=298530>

(3.02.2020)

30. Приложение к приказу: Приложение к приказу Минобрнауки России от 5 апреля 2004 г. № 1089 «Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования» // Российское образование. <http://www.edu.ru/documents/view/61154/> (3.02.2020)

31. Программа: Литература. Программы для средних общеобразовательных учебных заведений / Сост. Т.Ф. Курдюмова, В.П. Полухина, В.Я. Коровина, И.С. Збарский, Е.С. Романичева; науч. ред. Т.Ф. Курдюмова. М., 1991.

32. Протокол: Протокол заседания Научно-методического совета по учебникам Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 февраля 2014 г. № ДЛ-10/08пр // Специализированная интернет-система организационно-методического сопровождения федерального перечня учебников. <http://fpu.edu.ru/dokumenty/Protokol-NMS-N-dl-10-08pr-28-02-2014/> (3.02.2020)

33. Пушкин 1926: *Пушкин А.С.* Письма, 1815-1825 / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1.

34. Пушкин 1950: *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах / Под ред. Б.В. Томашевского. М.; Л., 1950. Т. 6.

35. Стенограмма 1953: Ф.А2306. Оп. 75. Д. 893 Министерство просвещения РСФСР. Дела постоянного хранения. 1922-1964 гг. Протокол (подлинник) и стенограмма заседания литературно-лингвистической секции учебно-методического совета Министерства просвещения РСФСР от 28 декабря

- 1953 г. Обсуждение рукописи С.М. Флоринского «Русская литература», учебник для VIII класса средней школы.
36. Стенограмма 1954: Ф.А2306. Оп. 75. Д. 893 Министерство просвещения РСФСР. Дела постоянного хранения. 1922-1964 гг. Протокол (подлинник) и стенограмма заседания литературно-лингвистической секции учебно-методического совета Министерства просвещения РСФСР от 24 февраля 1954 г. Обсуждение рукописи С.М. Флоринского «Русская литература», учебник для VIII класса средней школы.
37. ФЗ 2000: Федеральный закон от 10 апреля 2000 г. № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // Официальный интернет-портал правовой информации.
<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065327&intelsearch=%CE%C1+%D3%D2%C2%C5%D0%C6%C4%C5%CD%C8%C8+%D4%C5%C4%C5%D0%C0%CB%DC%CD%CE%C3%CE+%CA%CE%CC%CF%CE%CD%C5%CD%D2%C0+%C3%CE%D1%D3%C4%C0%D0%D1%D2%C2%C5%CD%CD%DB%D5+%CE%C1%D0%C0%C7%CE%C2%C0%D2%C5%CB%DC%CD%DB%D5+%D1%D2%C0%CD%C4%C0%D0%D2%CE%C2+%CD%C0%D7%C0%CB%DC%CD%CE%C3%CE+%CE%C1%D9%C5%C3%CE%2C++%CE%D1%CD%CE%C2%CD%CE%C3%CE+%CE%C1%D9%C5%C3%CE+%C8+%D1%D0%C5%C4%CD%C5%C3%CE+%28%CF%CE%CB%CD%CE%C3%CE%29+%CE%C1%D9%C5%C3%CE+%CE%C1%D0%C0%C7%CE%C2%C0%CD%C8%DF> (3.02.2020)
38. ФЗ 2012: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745&intelsearch=%D4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+29+%E4%E5%EA%E0%E1%F0%FF+2012+%E3.+N+273-%D4%C7>
(3.02.2020)
39. ФПУ: Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию при реализации программ общего образования // Специализированная интернет-система организационно-методического сопровождения федерального перечня учебников. <http://fpu.edu.ru/fpu/>
(3.02.2020)

40. ФПУ 1998/1999: Приказ Министерства общего и профессионального образования РФ от 30 октября 1997 г. № 2184 «Об утверждении перечня учебников и учебных пособий, рекомендованных Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации на 1998/99 учебный год» // Законодательство России в сфере образования. http://www.pravoeducation.ru/obrazovanie1/obrazovanie_2183.htm (3.02.2020)
41. ФПУ 2013/2014: Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2012 г. № 1067 «Об утверждении федеральных перечней учебников, рекомендованных (допущенных) к использованию в образовательном процессе в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего образования и имеющих государственную аккредитацию, на 2013/14 учебный год» // Специализированная интернет-система организационно-методического сопровождения федерального перечня учебников. <http://fpu.edu.ru/dokumenty/Prikaz-MON-N-1067-19-12-2012> (11.02.2020)
42. ФПУ 2014/2015: Приказ Министерства образования и науки РФ от 31 марта 2014 г. № 253 «Об утверждении федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» // Специализированная интернет-система организационно-методического сопровождения федерального перечня учебников. <http://fpu.edu.ru/dokumenty/Prikaz-MON-N-253-31-03-2014> (11.02.2020)
43. Флоринский, Рождественский: *Флоринский С.М., Рождественский Б.В.* Литература XIX века. Учебник для средней школы: 6 и 7 годы обуч. М., 1933.
44. Флоринский, Трифонов: *Флоринский С.М., Трифонов Н.А.* Литература XIX-XX веков. Учебник для 6 и 7 классов неполной средней и средней школы. 3-е изд., перераб. М., 1935.
45. Флоринский 1954: *Флоринский С.М.* Русская литература. Учебник для 8 класса средней школы. М., 1954.
46. Флоринский 1968: *Флоринский С.М.* Русская литература. Учебное пособие для средней школы. 14-е изд. М., 1968.

Исследования

47. Андреев: *Андреев М.* Глобус «Просвещения» // Коммерсантъ Наука. 2018. № 63. <https://www.kommersant.ru/doc/3826823> (11.02.2020)
48. Асмолов 1996: *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.
49. Асмолов 2018: *Асмолов А.Г.* Риски гонки за лидерами // Учительская газета. 8 ноября 2018 г. <http://www.ug.ru/insight/659> (4.02.2020)
50. Барт: *Барт Р.* Мифологии. М., 2014.
51. Беляева 2001: *Беляева Н.В.* В «дебрях» новых программ и учебников // Литература (Первое сентября). 2001. № 17. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200101704> (4.02.2020)
52. Беляева 2002: *Беляева Н.В.* Многострадальный девятый... Обзор учебников литературы для 9-го класса // Литература (Первое сентября). 2002. № 37. <http://lit.1sept.ru/article.php?ID=200203701> (4.02.2020)
53. Беньковская: *Беньковская Т.Е.* Научные направления и школы в российской методике преподавания литературы XVIII – начала XXI века. М., 2015.
54. Благой: *Благой Д.Д.* Грибоедов Александр Сергеевич // Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 2.
55. Бодрова, Вдовин: *Бодрова А.С., Вдовин А.В.* Лермонтов в советской школе (1953–1991): канон, идеология, педагогика // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2014. №5.
56. Лит. в shk. 2010: В поисках нового, с опорой на традиции. К 80-летию Веры Яновны Коровиной // Литература в школе. 2010. № 11.
57. Вдовин, Лейбов: *Вдовин А., Лейбов Р.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX века и поэтический литературный канон / Ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013.
58. Веселовский: *Веселовский А.Н.* Грибоедов Александр Сергеевич // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии: В 12 т. М., 1993. Т. 4. Репринтное изд. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. IXа.
59. Горбачевский: *Горбачевский В. А.С.* Грибоедов (Краткий обзор литературы в помощь преподавателю VIII класса) // Литература в школе. 1952. № 4.
60. Громов 1959: *Громов Н.И.* Заметки о преподавании литературы // Литература в школе. 1959. № 1.

61. Громов 1966: *Громов Н.И.* Методическое наследство Г.А. Гуковского // Г.А. Гуковский Изучение литературного произведения в школе (Методологические очерки о методике). М.; Л., 1966.
62. Гуковский, Евгеньев-Максимов: *Гуковский Г.А., Евгеньев-Максимов В.* Любовь к Родине в русской классической литературе. Саратов, 1943.
63. Добренко 1993: *Добренко Е.А.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
64. Добренко 1997: *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
65. Дубовиков, Яснопольская: *Дубовиков А., Яснопольская А.* С.М. Флоринский. Русская литература. Учебник для VIII класса средней школы // Литература в школе. 1955. № 3.
66. Еголин: *Еголин А.М.* Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. М., 1946.
67. Егорова: *Егорова А.* Государственная экспертиза проверяет школьные учебники на соответствие стандартам. Интервью с заместителем министра образования и науки С.С. Кравцовым // Российская газета. 4 мая 2018 г. <https://rg.ru/2018/05/04/okolo-treti-shkolnyh-uchebnikov-zabrakovany-ekspertami.html> (4.02.2020)
68. Журавлев 2010а: *Журавлев В.П.* Первые стабильные учебники (30-40-е годы XX века) как этап в развитии отечественных школьных учебных средств по литературе // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 1. № 1.
69. Журавлев 2010б: *Журавлев В.П.* Первые советские программы школьного литературного образования и «Рабочие книги по литературе» как новый тип учебного пособия // Наука и школа. 2010. № 2.
70. Золотухина: *Золотухина О.* Изучение русской литературы в советской школе // Трансформации русской классики. <http://transformations.russian-literature.com/metodologicheskie-osnovy-izuchenija-russkoj-literatury-v-shkole-sov-period> (4.02.2020)
71. История критики: История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тихановой. М., 2011.
72. Кириллов: *Кириллов М.И.* О недостатках учебников по литературе // Литература в школе. 1960. № 2.

73. Кудряшев: *Кудряшев Н.И.* Основные требования к учебнику VIII-X классов // Литература в школе. 1955. № 2.
74. Лазарев: *Лазарев Ю.В.* Методические искания в школьном преподавании словесности в 30-е годы XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 2 (32): в 2 ч. Ч. 2.
75. Лахостский, Фролова: *Лахостский К.П., Фролова В.Ф.* Пушкин в школе. Пособие для учителя. Л., 1956.
76. Леонтьева: *Леонтьева М.Р.* Федеральный перечень учебников: сегодня и вчера // Институт проблем образовательной политики «Эврика». <http://eurekanet.ru/ewww/promo/26801.html> (11.02.2020)
77. Летопись: Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова. 1790-1829 / Сост. Н.А. Тархова. М., 2017.
78. Лит. наследство: А.С. Грибоедов / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. дом). М., 1946. (Лит. наследство; Т. 47/48)
79. Лотман: Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992-1993. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
80. Материалы к биографии: А.С. Грибоедов: Материалы к биографии: Сборник науч. тр. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. С. А. Фомичев. Л., 1989.
81. МПГУ: Московский педагогический государственный университет. <http://mpgu.su/pochetnyie-professora-universiteta-2/valentin-ivanovich-korovin/> (3.02.2020)
82. МПЛ: Методика преподавания литературы. Персоналии: библиографический словарь / В.Ф. Чертов, А.М. Антипова, Е.И. Белоусова, В.П. Журавлев и др.; сост. и науч. ред. В.Ф. Чертов. М., 2018.
83. Итоги экспертизы: Научно-методический совет по учебникам рассмотрел итоги дополнительной экспертизы учебников // Минпросвещения России. <https://edu.gov.ru/press/855/nauchno-metodicheskij-совет-po-учebnikam-rassmotrel-itogi-dopolnitelnoy-ekspertizy-учebnikov/> (4.02.2020)
84. Нечкина: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951.
85. Никольская: *Никольская П.* В методическом порыве. Минобрнауки вчиталось в школьные учебники // Коммерсантъ Власть. 2014. № 14.

86. Орлов: *Орлов В.Н.* Грибоедов: Краткий очерк жизни и творчества. М., 1952.
87. Осетрова и др.: *Осетрова Н.В., Смирнов А.И., Осин А.В.* Книга и электронные средства в образовании. М., 2002.
88. Павловец 2016а: *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/nz/2016/2/shkolnyj-kanon-kak-pole-bitvy.html> (4.02.2020)
89. Павловец 2016б: *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/nz/2016/5/shkolnyj-kanon-kak-pole-bitvy-kupel-bez-rebenka.html> (4.02.2020)
90. Пенская: *Пенская Е.Н.* Школьные учебники по литературе в контексте трансформации рынка образовательного книгоиздания // Вопросы образования. 2010. № 1.
91. Петров 1945: *Петров С.М.* А.С. Грибоедов: Очерк жизни и творчества. М., 1945.
92. Петров 1952: *Петров С.М.* Грибоедов Александр Сергеевич // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т.12. М., 1952.
93. Пиксанов 1908: *Пиксанов Н.К.* Грибоедовъ // История русской литературы XIX века / Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Т. 1. М., 1908.
94. Пиксанов 1971: *Пиксанов Н.К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971.
95. Пиксанов 2000: *Пиксанов Н.К.* Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова, 1791-1829 / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. А.Л. Гришунин; Примеч. П.С. Краснова. М., 2000.
96. Пономарев 2009: *Пономарев Е.Р.* Учебник патриотизма (литература в советской школе в 1940-1950-е годы) // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/uchebnik-patriotizma.html> (4.02.2020)
97. Пономарев 2010а: *Пономарев Е.Р.* Чему учит учебник? Учебник по литературе в рамках советской школы // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/neva/2010/1/chemu-uchit-uchebnik.html> (4.02.2020)
98. Пономарев 2010б: *Пономарев Е.Р.* Литература правильная и неправильная. Методика преподавания литературы в советской школе // Журнальный зал.

- <https://magazines.gorky.media/neva/2010/8/literatura-pravilnaya-i-nepravilnaya.html> (4.02.2020)
99. Пономарев 2010в: *Пономарев Е.Р.* Методика патриотизма // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/neva/2010/10/metodika-patriotizma.html> (4.02.2020)
100. Пономарев 2010г: *Пономарев Е.Р.* Методика оттепели // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/neva/2010/11/metodika-ottepeli.html> (4.02.2020)
101. Пономарев 2010д: *Пономарев Е.Р.* Закупоренная методика // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/neva/2010/12/zakuporennaya-metodika.html> (4.02.2020)
102. Пономарев 2014: *Пономарев Е.Р.* Общие места литературной классики. Учебник брежневской эпохи разрушился изнутри // Журнальный зал. <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/2/obshhie-mesta-literaturnoj-klassiki.html> (4.02.2020)
103. Пономарев 2017: *Пономарев Е.Р.* Литература в советской школе как идеология повседневности // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/3/literatura-v-sovetskoj-shkole-kak-ideologiya-povsednevnosti.html> (4.02.2020)
104. Попова 1929: *Попова О.И.* А.С. Грибоедов в Персии, 1818-1823 гг. М., 1929.
105. Попова 1964: *Попова О.И.* Грибоедов – дипломат. М., 1964.
106. Пыпин 1903: *Пыпин А.Н.* Грибоедов // Пыпин А.Н. История русской литературы. В 4 т. Т. 4. СПб., 1903.
107. Пыпин 1919: *Пыпин А.Н.* Грибоедов. СПб., 1919.
108. Романичева: *Романичева Е.С.* От идеологии к науке? (Школьный учебник литературы: прошлое, настоящее, будущее) // КиберЛенинка. <http://cyberleninka.ru/article/n/ot-ideologii-k-nauke-shkolnyy-uchebnik-literatury-proshloe-nastoyashee-budushee> (4.02.2020)
109. Растимешин: *Растимешин Д.* Платные учебники. Взгляд закона, министерства, Госдумы // Библиотека в школе (Первое сентября). 2003. № 12. <http://lib.1sep.ru/article.php?ID=200301202> (4.02.2020)
110. Сборник 1946: А.С. Грибоедов, 1795-1829: Сборник ст. / Под ред. И. Клабуновского, А. Слонимского. М., 1946.

111. Сборник 1977: А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции / Отв. ред. С.А. Фомичев. Л., 1977.
112. Сборник 1994: Проблемы творчества А.С. Грибоедова / РАН. Отделение лит. и яз., Пушкин. комис.; Отв. ред. С.А. Фомичев. Смоленск, 1994.
113. Семенова: *Семенова Н.К.* Изучение «Слова о полку Игореве» в VIII классе. В помощь учителю. Л., 1957.
114. Спицына: *Спицына Н.А.* Грибоедов в школе. Пособие для учителей. 2-е изд. М.; Л., 1964.
115. Томашевский, Грушкин: *Томашевский Б.В., Грушкин А.И.* Пушкин и родина. М.; Л., 1941.
116. Усольцева: *Усольцева Т.Н.* Анатомия культурного мифа об А.С. Грибоедове // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 1 (88).
117. Учебная книга: Современная учебная книга: подготовка и издание / Под ред. С.Г. Антоновой, А.А. Вахрушева. М., 2004.
118. Учебный текст: Учебный текст в советской школе: Сборник статей. / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М., 2008.
119. Феофанов: *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета второй половины XVIII: первой четверти XIX в. // КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/studenchestvo-moskovskogo-universiteta-vtoroy-poloviny-xviii-pervoy-chetverti-xix-vv-okonchanie-ucheby> (4.02.2020)
120. Флоринский 1952а: *Флоринский С.М.* Как провести занятия по изучению повести «Нашествие Батыя на Рязань» в VI классе // Литература в школе. 1952. № 4.
121. Флоринский 1952б: *Флоринский С.М.* Изучение комедии Грибоедова «Горе от ума» // «Литература в школе». 1952. № 5.
122. Фомичев 1982: *Фомичев С.А.* Грибоедов в Петербурге. Л., 1982.
123. Фомичев 1983: *Фомичев С.А.* Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. Книга для учителя. М., 1983.
124. Фомичев 2007: *Фомичев С.А.* Грибоедов. Энциклопедия. СПб., 2007.
125. Цимбаева: *Цимбаева Е.Н.* Грибоедов. М., 2003. (ЖЗЛ)
126. Шостакович: *Шостакович С.В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960.

127. Якорева 2014: *Якорева А.* Скандалы, интриги, учебники. Кому выгодны новые правила оценки школьной литературы // Коммерсантъ Деньги. 2014. № 13.
128. Якорева 2019: *Якорева А.* Учебники под редакцией Аркадия Ротенберга // Meduza. 21 октября 2019.
<https://meduza.io/feature/2019/10/21/ministerstvo-prosveschenie> (11.02.2020)

Summary

Alexander Griboyedov in a Soviet and post- Soviet Russian school (based on post-WW2 Soviet and modern Russian literature textbooks)

The study of literature at school is an important stage in the development of a person as a reader. The school influences what we think about literary fiction in general, writers' biographies, the Russian and world literary canon, etc. Literature lessons often combine educational and ideological tasks. At the very end of the 20th century, the influence of ideology on school teaching of literature becomes the subject of inquiry. Scholars pay special attention to the Soviet period, because at this time ideological education openly prevailed in literature classes.

My thesis contributes to the very same discussion. I reconstruct the models of Alexander Griboyedov's biography presented in the three school literature textbooks: 1) in the first Soviet post-WW2 textbook for the 8th grade (1954-1970); 2) in the last Soviet textbook for the 8th grade (1971-1990); 3) in the most widespread modern Russian textbook for the 9th grade (2006-2019 editions). By comparing Griboyedov's Soviet school biographies to the Russian one, I show that modern literature textbooks, as Soviet textbooks before them, can be used as a tool of ideology.

I clarify ideological, educational, and scientific contexts of these textbooks. It enables me to describe the mechanism of creating a school biographical model in detail. I show that the authors of textbooks integrate ideological elements in the biography when they choose which facts to use and how to interpret them.

I argue that the difference between the school biographies is not merely factual. The authors of the textbooks tell stories with different plots, which present different images of Griboyedov. In these images Griboyedov's life is simplified and schematized in order to make him the exemplar of right conduct. Each author idealizes Griboyedov in accordance with the government-approved values of his time. More specifically, I distinguish between patriotic, moral and anti-revolutionary models of Alexander Griboyedov's biography.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Polina Reshenina,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

A.S. Griboedov nõukogude ja postnõukogude vene koolis

(sõjajärgsete nõukogude ja ajakohaste vene kirjanduse õpikute materjalil)

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on Maria Borovikova,

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Polina Reshenina

13.02.2020